

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 1(5)/2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клубукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
ректор, РГПУ имени А.И. Герцена
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,
зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Филатова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.С. Степанова.

Физиологические очерки Ф.В. Булгарина и натуральная школа 2

А.В. Вавулина.

Концепт «маленький человек» в современном
русском кинодискурсе 12

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Л.В. Московкин, Ю. Ёнтэ.

Термин «обучение» в современных педагогических словарях
и учебниках педагогики 22

Н.Л. Тихомирова.

Иностранцы высококвалифицированные
специалисты как особый контингент изучающих РКИ 30

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЛИЦАХ

Е.М. Калло, А.Г. Лилеева.

Даёшь журнал – игра ура!
(описание журналов «ГротекСный Многопотам» и «ТранВай 13»,
1985–1998 гг., ответственный редактор М.В. Панов) 35

Т.В. Шмелева.

Траектории словесности в научной судьбе
Елены Владимировны Душечкиной 46

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Анонс конференции «Актуальные вопросы теории и практики
преподавания русского языка как иностранного» 54

Адрес редакции:
115035 г. Москва,
Космодамианская набережная
д. 26/55, стр. 7
e-mail: autor.dep@profsobranie.ru

Учредитель
Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель
Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-2-11

Физиологические очерки Ф.В. Булгарина и натуральная школа

А.С. Степанова,

зав. редакцией классической литературы издательства «Азбука-Аттикус»

E-mail: allastepanova@yandex.ru

Вопрос о вкладе Булгарина в развитие жанра физиологического очерка до сих пор практически не исследован. В значительной мере это обусловлено острым конфликтом Булгарина с натуральной школой, для которой данный жанр был программным. В статье предпринята попытка рассмотреть специфику творчества Булгарина в контексте очерковой литературы 1840-х годов (в частности, произведений, вошедших в сборник «Физиология Петербурга»), а также в контексте газетно-журнальной полемики тех лет.

Ключевые слова: физиологический очерк, натуральная школа, литературная полемика, Ф.В. Булгарин, В.Г. Белинский.

Проблема, вынесенная в название статьи, связана с парадоксальной ситуацией в истории русской литературы 1840-х годов. С одной стороны, Булгарина можно с уверенностью назвать в числе тех авторов, кто активно работал в жанре физиологического очерка – жанра, ориентированного на описание «какого-либо социального, профессионального, кружкового признака», либо «какого-либо определенного места – части города, района, общественного заведения, в котором сталкивались лица разных групп», либо на описание «одного обычая, привычки, традиции» [Манн 1989: 386]. С другой стороны, физиологические очерки обычно соотносят с натуральной школой, или гоголевским направлением в русской литературе, с которым Булгарин находился в отношениях острой полемики. И потому какое бы то ни было участие Булгарина в становлении натуральной школы или, по крайней мере, одного из главных ее жанров, как правило, не только не учитывается, но и отрицается.

Например, в работе такого крупнейшего исследователя, как В.В. Виноградов, читаем: «...отнесение Булгарина к „натуральной“ школе в узком смысле этого слова было бы абсурдом...» [Виноградов 1976: 148]. По мнению Виноградова, «историку, чтобы распутать противоречия литературной борьбы начала 40-х годов, к „натуральной“ школе надо идти сначала только от Гоголя» [Там же: 149]. Как представляется, эта оговорка – «в узком смысле слова» (имеются в виду писатели, объединившиеся вокруг Белинского – идеолога натуральной школы) – сама по себе очень значимая. Речь идет не о формальных жанровых признаках, по которым те или иные очерки Булгарина нельзя было бы рассматривать в одном ряду с произведениями писателей натуральной школы, а об идеологических и личных разногласиях конфликтующих сторон.

Очень важно отметить, что Булгарин вступил на литературное поприще на десять лет раньше Гоголя и тем более задолго до появления программных из-

даний натуральной школы – «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника». Булгарин обратился к изображению различных социально-психологических типов еще в 1820-е годы. Этот интерес к созданию литературных портретов представителей самых различных социальных групп органично вырастает из журналистской деятельности Булгарина, из наблюдений за повседневной жизнью Петербурга, которую он подробно освещал на страницах «Северной пчелы», а также в других изданиях. К слову сказать, Булгарин оказался едва ли не первым литератором, кто сделал прогулку по Невскому проспекту сюжетом отдельного произведения¹ и обрисовал тип «вечного титулярного советника»².

Парадный Петербург и жизнь простых горожан (обитателей Толкучего и Щукина рынков, букинистов, чухонских кухарок, извозчиков, незначительных чиновников) – для Булгарина это в равной степени мало освоенный литературой повседневный быт, который и становится предметом пристального внимания. Так, в 1825 году появились два очерка Булгарина с характерными названиями – «Чувствительное путешествие по передним» и «Хладнокровное путешествие по гостиным»; в 1843 году вышел его сборник «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», – бинарность в данном случае поддерживает идею объективного, неодностороннего взгляда на изображаемый мир.

К началу 1840-х годов Булгариным была создана внушительная галерея

литературных типов. Однако во вступлении к «Физиологии Петербурга» В.Г. Белинский даже не упоминает Булгарина, когда рассуждает о бедности отечественной литературы на таланты, которые в своих сочинениях отражали бы русскую повседневную жизнь: «...много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? Скажем более: где у нас эти книги? Их нет» [Физиология Петербурга: 6].

В этом противоречивом тексте Белинскому приходится всё время уточнять исходный тезис. Например: «Если и были попытки на сочинения такого рода, – все они, от чувствительного „Путешествия в Малороссию“ князя Шаликова до фразистой „Поездки в Ревель“ Марлинского, могут считаться как бы несуществующими» [Там же: 7]. Отмечая два предшествовавших появлению «Физиологии Петербурга» издания – альманах А.П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (1841–1842) и «Очерки московской жизни» П.Ф. Вистенгофа (1842), – Белинский пишет об «отсутствии верного взгляда на общество», «определенного взгляда, который обнаруживал бы, что автор умеет не только наблюдать, но и судить» [Там же: 8, 13]. По-видимому, «как бы несуществующими» и лишенным «верного взгляда» Белинский считал и сочинения Булгарина.

В чем же принципиальные отличия очерков Булгарина от произведений писателей натуральной школы? Возможно ли хотя бы гипотетически представить себе включение в «Физиологию Петербурга» его очерков о городской бедноте (под псевдонимом или анонимно)?

Безусловно, первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении очерков Булгарина с «Физиологией Петербурга», это явная сосредоточенность авторов альманаха на образе

¹ В очерке «Прогулка по тротуару Невского проспекта» (1824). В списке литературы ссылки на прижизненные публикации Булгарина даются по библиографии, подготовленной А.И. Рейтблатом [Рейтблат 2016: 511–563].

² См. очерк «Гражданственный гриб, или Жизнь, то есть прозябание и подвиги приятеля моего, Фомы Фомича Опенкова» (1833). Этому очерку посвящена статья: [Маркович 1993: 113–134].

«маленького человека». Среди очерков, посвященных дворникам (В.И. Даль), шарманщикам (Д.В. Григорович), жителям Петербургской стороны (Е.П. Гребенка) и тем более «петербургских углов» (Н.А. Некрасов), появление сочинений о модных магазинах, ресторанах, салонах, маскарадах, дачных увеселениях и т. д. было бы просто невозможным. (Тогда как, например, в «Очерках московской жизни» Вистенгофа показан быт самых разных социальных слоев московских жителей.) Но ведь, как мы знаем, и Булгарин изображал не только светскую жизнь.

Чтобы прояснить позиции сторон, обратимся к высказываниям самих оппонентов. О критике альманаха Белинского и Некрасова «Физиология Петербурга» со стороны булгаринской «Северной пчелы» литературоведы писали неоднократно: в их интерпретациях газета «с ненавистью», «яростно» «накидывалась», «набрасывалась», «глумилась» над этим изданием. Цитаты из газетных рецензий уже давно и прочно вошли в научный оборот. И все-таки характер этой полемики нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении.

Как известно, само понятие «натуральная школа» принадлежит Булгарину, который под ним подразумевал «литературн[ую] школ[у], утверждающ[ую], что должно изображать природу без покрова. Мы, напротив, держимся правила, изложенного в книге „Поездка в Ревель“: „Природа тогда только хороша, когда ее вымоют и причешут“. Это, разумеется, относится только к литературе и к художникам, а не к швейцарским горам и не к океану» [Ф. Б. 1846, № 22]³. Совершенно очевидно,

но, что Булгарин здесь ставит вопрос об отборе жизненного материала, который может послужить предметом изображения в искусстве. Очень интересен шуточный литературный контекст, с помощью которого Булгарин выражает свою мысль и к которому исследователи до сих пор никогда не обращались напрямую. Булгарин приводит цитату из сочинения А.А. Бестужева-Марлинского по памяти, неточно, но не искажая ее сути. В соответствующем эпизоде «Поездки в Ревель» речь идет об эстонских «корчмах» — «без полу, с огромным в углу камином. В них-то закопченные эстонцы с всклокоченными и висящими по пояс волосами покоятся вместе с козами и телятами; в них пар ходит понизу, а дым по потолку. Входя туда, я думал каждый раз видеть себя в подземном Плутоновом царстве и, выходя на чистый воздух, всегда говорил, любуясь на черные лица и грязные стены эстонские: хороша природа — когда ее вымоют» [Бестужев 1821: 20]. Финальный вывод иронично противопоставлен лишнему всякой идеализации описанию крестьянского быта; Бестужев-Марлинский, с одной стороны, акцентирует нежизнеспособность прежней сентиментально-романтической традиции в столкновении с реальностью, с другой — проблематизирует возможность претворения явлений «низкого» быта в эстетическую реальность.

По-видимому, похожий процесс происходил в поэзии, когда в нее начал всё больше проникать бытовой материал, стало входить «нагое», «необработанное» слово, — этот процесс описала Л.Я. Гинзбург в книге «О лирике»⁴. Тем не менее приведенный отзыв Булгарина в литературоведении принято

³ Отзыв появился в связи с выходом «Петербургского сборника». Приведенную булгаринскую цитату литературоведы сокращали, убирая из нее ссылку на книгу А.А. Бестужева-Марлинского «Поездка в Ревель», и получалось, что слова «Природа тогда только хороша, когда

ее вымоют и причешут» принадлежат самому Булгарину (см.: [Поспелов 1972: 70]).

⁴ См., например, в главе «Поэзия действительности» [Гинзбург 1974: 210–223].

трактовать как выпад против правдивости литературных произведений⁵.

Именно так он был воспринят Белинским, который в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» писал: «Так называемую *натуральную школу* нельзя упрекнуть в риторике, разумея под этим словом вольное или невольное искажение действительности, фальшивое идеализирование жизни. <...> Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализовали действительность*, то есть изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине. От этого литература получила важное значение в глазах общества» [Белинский, т. X: 15–16]. Эти слова Белинского стали хрестоматийными. Однако цитата имеет существенное продолжение. Видя главное достоинство литературы прежде всего в ее общественной значимости, Белинский вполне готов согласиться с упреками в определенном сгущении красок (приведем слова критика целиком): «Натуральную школу обвиняют в стремлении все изображать с дурной стороны. Как водится, у одних это обвинение – умышленная клевета, у других – искренняя жалоба. Во всяком случае, возможность подобного обвинения показывает только то, что натуральная школа, несмотря на ее огромные успехи, существует еще недавно, что к ней не успели еще привыкнуть и что у нас еще много людей карамзинского образования, которых риторика имеет свойство утешать, а истина – огорчать. Разумеется, нельзя, чтобы все обвинения против натуральной

школы были положительно ложны, а она во всем была непогрешительно права. Но если бы ее преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностию, и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их риторически» [Там же: 16].

Для Булгарина, критиковавшего писателей натуральной школы за обращение к «низкой» действительности, было неприемлемым подчеркнутое внимание к неприглядным сторонам жизни. О том же самом пишет рецензент «Северной пчелы» Л.В. Брант, разбирая повесть Некрасова «Петербургские углы»: «Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г. Некрасов, питомец новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные, изображает нам другого рода обитателей „углов“... Не спорим, что они существуют как неизбежные исключения в низшем слое человеческого общества, но должно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует г. Некрасов, поставивший, по-видимому, торжество искусства в картинах грязных и отвратительных» [Я. Я. Я. 1845, № 236].

Эстетический вкус писателей поколения Булгарина (не только его одного) не был готов к такому расширению круга явлений повседневной действительности, которые начала осваивать литература. (Причем в той же «Физиологии Петербурга» само расширение бытовой сферы за счет табуированных

⁵ Н.И. Мордовченко, приводя цитату целиком, комментировал ее так: «В этом заявлении Булгарина характерно всё – и презрение к новой литературной школе, и демагогическое использование книги декабриста Бестужева-Марлинского, именем которого Булгарин пытался укрепить свои позиции» [Мордовченко 1948: 204].

ранее тем, повышенный интерес к ним парадоксальным образом вели к сужению общей картины действительности.) И в этом смысле Булгарин, конечно, был для Белинского писателем «карамзинской» эпохи. Иными словами, сталкивались старые и новые эстетические приоритеты. Белинский и Некрасов в рецензиях на сочинения Булгарина не раз указывали на их архаичность⁶.

На наш взгляд, имело значение еще и различие мировоззренческих установок. Как пишет Н.Н. Акимова, Булгарин был последователем «философии здравого смысла», которая провозгласила «стремление быть счастливым в самой жизни, достигать гармонии с самим собой». «Другая тенденция русского философствования с ее духовным максимализмом, устремленностью к высшей правде вела к вечным, проклятым вопросам, к кризису самоидентичности, к тому, что А.П. Чехов называл русским „неумением жить“, тяготела к христианскому аскетическому идеалу и утопической социальной гармонии» [Акимова 2003: 151]. Столь существенное различие также сказалось на подходах к изображению «маленького человека».

Очень показателен в этом отношении булгаринский очерк «Извозчик-ночник» из сборника «Очерки русских нравов...». Поначалу его сюжет строится вполне в духе натуральной школы. Отправляясь поздно ночью домой, рассказчик нанимает извозчика — «тощего старика», который управлял «полуиздохшим конем», запряженным в «ветхие дрожки»⁷. Извозчик рассказывает новому знакомому историю своей жизни. Когда-то в молодости судьба ему улыбнулась: его жене, дворовой крестьянке, которая служила в господском доме, барин подарил в память о покойной

дочери полторы тысячи рублей. С этими деньгами герой отправился в Петербург и стал извозчиком. Какое-то время дела шли хорошо, ему удалось нажить капитал и даже самому побыть хозяином и нанять извозчиков. «Недолго я хозяйничал! Дал Господь счастье, да за грехи отнял разум!». Герой разорился, жена его «с горя умерла». Пришлось вновь стать извозчиком и долгие годы работать «день-деньской», чтобы добывать «хлеб насущный». Но со временем положение героя меняется в еще худшую сторону: однажды его лошадь «пала среди дороги». «Я дотащил дрожки на себе до города, да с горя и устал и сам свалился». Герой остался один (одного сына «взяли на службу», а два другие умерли «на рыбных промыслах, в холеру») и был вынужден податься в извозчики-ночники.

Этот рассказ строится по одной модели с сюжетами таких очерков, как «Петербургские шарманщики» из «Физиологии Петербурга», или, например, «Водовоз» из альманаха Башуцкого «Наши, списанные с природы русскими». В центре очерка один герой, представитель определенной профессии; автор-рассказчик является проводником в экзотический для читателей мир бедняков; в очерке есть экскурс в прошлое героя (как он стал извозчиком / шарманщиком / водовозом) и описание его нынешней жизни: бедного жилья и скудной еды, тяжелого, но честного труда.

Однако эта модель исключала какой бы то ни было положительный финал и потому не удовлетворяла Булгарина. Ср. финал очерка Григоровича: «Случалось ли вам идти когда-нибудь осенью поздно вечером по отдаленным петербургским улицам?..» и т. д. [Физиология Петербурга: 69–70], полный сострадания к шарманщику.

Очерк Булгарина получает продолжение, которое резко меняет угол зрения на главного героя и его жизненную ситуацию. Во второй части извозчик

⁶ Например, [Белинский, т. VIII: 22]; [Некрасов, т. 11 (1): 82].

⁷ Здесь и далее цит. по: [Булгарин 2009: 51–68].

удивляет своего спутника тем, что ропщет на Бога за тяжелую долю, и делится своими профессиональными секретами: «Вы, может быть, и не подозреваете, что смышленому ночнику иногда лучше, чем биржевому!». Как это часто бывает в произведениях Булгарина, посвященных представителям городских низов (например, «Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на Петербургском тракте»⁸, «Букинист, или Разносчик книг», «Ворожея», «Гостиный двор»), герой демонстрирует прекрасное знание людей и тем самым вполне может составить конкуренцию автору-рассказчику.

Но и на этом очерк не заканчивается: Булгарин ведет его к нравоучительному финалу. Извозчик рассказывает историю о том, как однажды нашел сафьяновую сумку с казенными деньгами, оставленную в дрожках «бедным чиновником». Он говорит: «...если б я забыл Бога и совесть, то не возил бы по ночам других, а спал бы теперь спокойно ночью в собственном каменном доме, а днем бы разъезжал на своих лошадях...» Извозчик вернул деньги, не желая таким способом устраивать собственную судьбу. В финале очерка автор-рассказчик благодарит извозчика десятирублевой ассигнацией: «...потому что встретил доброго русского человека и узнал, что в каждом звании честный человек может быть счастливым».

Подобное морализаторство Булгарина казалось старомодным новому поколению писателей⁹. Мировоззренческая и общественная позиция, подразумевавшая личную ответственность человека за свою судьбу, принципиально расходилась с идеей социальной

справедливости, исповедовавшейся Белинским (однако нельзя сказать, что его общественно-политические взгляды разделяли все участники «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника»).

Построение сюжета, объединившее разные принципы организации повествования (описательность сменяется развитием авантюрной интриги), тем не менее позволяет Булгарину сделать нетривиальную для очерка развязку. В произведениях 1830–1840-х годов, посвященных городской бедноте, внутреннее напряжение сюжета часто поддерживается интересом к судьбе героя: сумеет ли он преодолеть затруднительное положение, в котором оказался? что с ним будет дальше? Один из возможных вариантов судьбы предполагает, что, заработав, герой начнет жить безбедно, как, например, не вызывающий никакого сочувствия «Гробовой мастер» А.П. Башуцкого (напротив, сочувствие вызывают те, кому приходится иметь дело с гробовщиком). Другой вариант — смерть героя, который не вынес тяжелых испытаний: этот ряд можно начать «Станционным смотрителем» Пушкина и «Шинелью» Гоголя, а продолжить, например, «Водовозом» Башуцкого и «Уральским казаком» В.И. Даля (оба очерка из альманаха «Наши, списанные с натуры русскими»). Можно упомянуть и повесть Достоевского «Бедные люди», где умирает оказавшийся на грани нищеты сосед Девушкина — чиновник и отец семейства Горшков, а перед этим от голода умирает ребенок Горшкова. В «Петербургских шарманщиках» Григоровича финал остается открытым, но явно не предвещающим благополучного разрешения бедственного положения героя.

Мотив смерти от несчастий и нужды звучит и в очерке Булгарина «Извозчик-ночник» (от горя умерла жена, умерли на отхожих промыслах два сына), —

⁸ Об образе повествователя в этом тексте см.: [Степанова 2019: 216–232].

⁹ Например, об «усердии повторять всем известные из азбук правила нравоучения» Белинский писал в рецензии на сборник Булгарина «Комары. Всякая всячина» (СПб., 1842); см.: [Белинский, т. VI: 163].

но только как фон, на котором строится образ самого извозчика. Здесь предлагается еще один вариант судьбы героя — удача, внезапно улыбнувшаяся Фортуну. Похожий вариант уже был использован Булгариным в очерке 1833 года «Гражданственный гриб», где титулярный советник неожиданно получает повышение по службе. Извозчику удача улыбается дважды, но во второй раз он отказывается от случайного (незаслуженного) везения, которое однажды уже не принесло ему счастья. Интересно, что в финалах обоих болгаринских очерков ничего экстраординарного, что позволило бы вывести образ героя за рамки характеристики определенного социального типа, нарушить ее предопределенность, статичность, не происходит. В отличие, например, от очерка Я.П. Буткова «Сто рублей» из его сборника «Петербургские вершины» (1845–1846): герой, оказавшийся на грани нищеты и убедившийся в том, «что ни для него, ни для милых ему нет в этом грязном усовершенствованном распутном мире ни одной порядочной вакансии» [Бутков 1952: 238], внезапно выигрывает в лотерею сто рублей — и от радости сходит с ума. По точному замечанию В.М. Марковича, болгаринский «очерк, поиграв в сюжетное повествование, возвращается „на круги своя“» [Маркович 1993: 115]. Вместе с тем неожиданный переход к новеллистическому типу сюжета можно трактовать как попытку Булгарина преодолеть уже ощущавшуюся в те годы жанровую инерцию.

Итак, «философия здравого смысла», на которой основывалась поэтика Булгарина, даже в том случае, когда он выбирает своим главным героем одинокого старика-извозчика, отвергает ощущение безысходности и беспросветности этой судьбы.

Нужно сказать о том, что не все произведения, составившие «Физиологию Петербурга», пронизывает ощущение

трагичности судьбы «маленького человека». В ироничном и даже сатирическом тоне написаны «Петербургская сторона» И.П. Гребенки, «Омнибус» А.Я. Кульчицкого, «Лотерейный бал» того же Григоровича (два последних произведения не являются очерками). Неоднозначным было и отношение «Северной пчелы» к материалам «Физиологии Петербурга». Рецензент «Северной пчелы» Брант, разбирая первую часть альманаха, выделил очерк «Петербургский дворник»: «...из лица ничтожного, из предмета бедного и одностороннего прикосновение искусной руки может создать произведение изящное, художественное. Говорим о статье г. Луганского (В.И. Даля) „Петербургский дворник“». В легком, живом очерке с неподражаемой верностью воспроизвел он фигуру бородатого стража домов петербургских, выхватив из ежедневной жизни его несколько оригинальнейших минут, исполненных юмора чистого и грациозного. Об одном только можно пожалеть — что эта прекрасная статья, с уважаемым публикою именем даровитого автора ее, попала в сборник, где ни в каком отношении ей не следовало бы помещаться, окруженной соседством весьма не лестным — быть изданной под редакцией г. Некрасова» [Я. Я. Я. 1845, № 235].

Во всяком случае позиция Булгарина и его союзников по отношению к натуральной школе и ее программным изданиям кажется более последовательной, нежели позиция Белинского в его литературно-критических статьях. Это становится особенно заметно, когда дело касается «третьей» стороны — авторов, не входивших в окружение Белинского, однако тоже работавших в жанре физиологического очерка. Мы имеем в виду отзывы Белинского об уже упоминавшемся альманахе Башуцкого «Наши, списанные с природы русскими», а также о сборнике Буткова «Петербургские вершины».

Так, рецензируя альманах Башуцкого, Белинский вдруг принимается критиковать очерк «Водовоз» за то же самое, за что Булгарин критиковал натуральную школу — за «отрицательное направление»: «Может быть, в Петербурге и найдется один такой водовозгоремыка, какого описал автор; но в каком же звании не бывает *горемык*? — А между тем никто не скажет, что каждое сословие состоит из одних горемык. Автор описывает водовозов хилыми, хворыми, бледными, больными, искалеченными. Мы, тоже имевшие и имеющие с ними дело, подобно всем петербургским жителям, привыкли видеть в водовозе мужика рослого, плечистого, крепкого, для которого лошадиная тяжесть — нипочем. <...> Водовоз много и тяжело трудится: да кто ж мало и легко трудится? Уж, конечно, не я, бедный рецензент, который, за грехи свои, обязан не только читать русские книги, но еще и писать о них» [Белинский, т. V: 603–604].

Что касается сборника Буткова, то Булгарин в «Северной пчеле», опередив своей рецензией Белинского, иронизировал: «Некоторые журналы, разумеется, употребят всё свое усилие, чтоб уничтожить г. Буткова за то, что „Северная пчела“ его хвалит (*а это ужасное преступление!*)...» [Ф. Б. 1845, № 243]. Цитируя «Северную пчелу», Белинский в «Отечественных записках» дает более чем сдержанный отзыв: «Разовьется ли талант г. Буткова или завянет сам собою от слабости своего корня, выйдет ли из него что-нибудь важное или так что-нибудь, или ничего не выйдет, — об этом мы погодим рассуждать» [Белинский, т. IX: 355].

В этой связи возникает вопрос не только об объективности оценок, выносимых Белинским, но и об основаниях и границах самой натуральной школы — если понимать под ней «этап в развитии русского критического реализма», а не «группу писателей (Н.А. Некра-

сов, Д.В. Григорович, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, И.И. Панаев, Е.П. Гребенка, В.И. Даль), объединившихся под идейным влиянием Белинского в журнале „Отечественные записки“» [Белкина 1968: 135–136]. Например, Д.П. Святополк-Мирский считал, что «первопроходцами этой школы, кроме самого Гоголя, были Даль, Сологуб и Бутков» [Святополк-Мирский 2005: 280]. Ю.В. Манн в числе первых изданий этого направления называет альманах «Наши, списанные с натуры русскими» [Манн 1989: 384].

Если же мы обратимся к «Петербургскому сборнику», то увидим картину еще более пеструю, чем в «Физиологии Петербурга». И дело уже не только в отличиях подходов авторов к теме «маленького человека», а в том, что в сборнике явно отсутствует объединяющая авторов тема (концепция): наряду с романом Достоевского «Бедные люди», который открывал «Петербургский сборник», и стихотворениями Некрасова здесь же опубликованы произведения, не имеющие социальной направленности: например, повесть И.С. Тургенева «Три портрета», его переводы из Байрона и Гёте, стихотворения А.Н. Майкова, а также «Макбет» Шекспира в переводе А. Кронеберга.

В конце 1846 года, после выхода «Петербургского сборника», Булгарин писал: «Никто не изложил и никто не растолкует правил натуральной школы, потому что она *не существует!*... „Северная пчела“ в шутку назвала это направление *натуральной школою*, чтоб каким-нибудь приличным и благородным выражением обозначить стремление подражателей г. Гоголя к отыскиванию в натуре *противуизящного*, в том убеждении, что только то хорошо, что верно списано с натуры. Вот вам и полное объяснение того стремления или направления, которое „Северная пчела“ назвала *натуральной школою*» [Ф. Б. 1846, № 265].

До сих пор в литературоведении нет единого мнения о том, кого из прозаиков 1840-х годов относить к натуральной школе, а чьи произведения остаются на ее периферии. Творчество Булгарина, всячески дистанцировавшегося от нового и в итоге возобладавшего направления в литературе, оказывается краеугольным камнем этих систематизаций. Мы попытались взглянуть на ситуацию в более локальном аспекте — подойти к ней через категорию жанра.

Как нам представляется, и писатели натуральной школы (в узком смысле слова), и такие авторы, как упоминавшиеся здесь Башуцкий, Вистенгоф, Бутков и Булгарин, вносили свой вклад в развитие структурных и содержательных возможностей физиологического очерка, — другое дело что в разгаре литературной полемики, конкурентной борьбы за читателя им сложно было осознавать себя и своих оппонентов участниками общего, единого литературного процесса.

Литература

1. А. Ф. Хладнокровное путешествие по гостиним // Северная пчела. 1825. 24 октября. № 128; 5 ноября. № 133; 14 ноября. № 137; 26 ноября. № 142.
2. Акимова Н.Н. Авторские стратегии Ф. Булгарина в литературном контексте первой трети XIX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3. Вып. 5. С. 149–161.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
4. Белкина М.А. Натуральная школа // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. С. 135–136.
5. Бестужев А. Поездка в Ревель. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1821.
6. Булгарин Ф. Извозчик-ночник // Булгарин Ф. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Азбука, 2009. С. 51–68.
7. Бутков Я.П. Сто рублей // Русские повести XIX века (40–50-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1952. 709 с.
8. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 512 с.
9. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
10. Манн Ю.В. Натуральная школа // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 384–396.
11. Маркович В.М. О трансформациях «натуральной» новеллы и двух «реализмах» в русской литературе XIX в // *Русская новелла: проблемы истории и теории*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 113–134.
12. Мордовченко Н. Белинский в борьбе за натуральную школу // Литературное наследство. Т. 55: Белинский. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 203–258.
13. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 11. Кн. 1: Критика. Публицистика. 1840–1849. Л.: Наука, 1989. 471 с.
14. Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX века. М.: Высшая школа, 1972. 472 с.
15. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: НЛО, 2016. 632 с.
16. Святополк-Мирски Д. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. 965 с.
17. Степанова А.С. Станционный смотритель: стратегии «очеловечивания» героя // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. М.: НЛО, 2019. С. 216–232.

18. Ф. Б. Гражданственный гриб, или Жизнь, то есть прозябание и подвиги приятеля моего, Фомы Фомича Опенкова // Северная пчела. 1833. 21–23 сентября. № 213–215.
  19. Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. 27 октября. № 243.
  20. Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. 26 января. № 22.
  21. Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. 23 ноября. № 265.
  22. Ф. Б. Прогулка по тротуару Невского проспекта // Литературные листки. 1824. № 4. С. 117–133; № 5. С. 159–172; № 6. С. 204–230.
  23. Ф. Б. Чувствительное путешествие по передним // Северная пчела. 1825. 5–6 октября. № 119–120.
  24. Физиология Петербурга / Изд. подг. В.И. Кулешов. М.: Наука, 1991. 282 с.
  25. Я. Я. Я. «Физиология Петербурга», составленная из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова... // Северная пчела. 1845. 17–19 октября. № 234–236.
-

“Physiological” Essays by Faddei Bulgarin and Russian Natural School

Alla Stepanova,

Head, Dept. of Classical Literature, Azbooka-Atticus Publishing Group

E-mail: allastepanova@yandex.ru

The question of Bulgarin’s contribution to the development of the genre of “physiological” essays has not been practically studied yet. To a large extent this is due to an acute conflict between Bulgarin and Russian Natural School, which regarded this genre as one of its basics. The article attempts to examine the specifics of Bulgarin’s work in the context of the sketches of 1840s (in particular, the works from the collection “Physiology of St. Petersburg”), as well as in the context of the newspaper and magazine polemics of that time.

Key words: “physiological” essays, Russian Natural School, literary polemics, Faddei V. Bulgarin, Vissarion G. Belinsky.

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-12-21

Концепт «маленький человек» в современном русском кинодискурсе

А.В. Вавулина,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: avavulina@mail.ru

Статья посвящена особенностям бытования концепта «маленький человек» в современном русском культурном пространстве. Автор выделяет две противоположные тенденции осмысления концепта, наметившиеся в современном искусстве. С одной стороны, осмысление концепта в литературе, публицистике переносится в психологическую систему координат, что сопряжено с опрошением понятия, нивелированием его национального гуманистического восприятия. С другой стороны, в кинодискурсе XXI века происходит возрождение концепта в его огласовке, заданной классической русской литературой. Данная тенденция рассматривается на примере фильмов А. Звягинцева.

Ключевые слова: мифологема «маленький человек», концепт, этическая доминанта, кинодискурс.

Русская классическая литература создала новую русскую мифологию, по выражению специалиста по истории литературы XIX века А.И. Журавлевой [Журавлева 2013: 253]. По тонкому наблюдению исследователя, литературные ситуации, образы, мифы заменили русским так и не реконструированную славянскую мифологию. Одной из базовых мифологем, приближающей к осмыслению ментальной сущности, духа не только самой русской литературы, но и шире – национальной ментальности, особого мировосприятия является в русской культуре мифологема «маленького человека». Мифологема восходит к античному первообразу: интерес к жизни маленького человека обнаруживает уже новоаттическая комедия. Являясь неким универсальным эталоном самосознания человека в обществе, в мире, она находит самобытную реализацию в литературе разных стран. Так, в немецкой литературе мифологема оказывается сопряжена с традицией бидермайера,

воспевающего покой домашнего мира маленького человека, обывателя, которому свойственна как определенная узость мировоззрения, так и абсолютная порядочность. В английской традиции, по наблюдению О.С. Шуруповой [Шурупова 2014], маленький человек вписан в лондонский текст и устремлен к благополучию, зачастую обретает его. Но именно в литературоцентричной культуре России (о базовой роли текстов классической литературы в формировании языковой картины мира много писали А.Д. Шмелев, И.Б. Левонтина и др.) художественный образ выходит за рамки литературы и становится достоянием культуры, то есть обретает статус культурного концепта. Однако именно литературное становление мифологемы предопределяет ту сложнейшую трансформацию, которую она переживает до сегодняшнего дня.

Культурный концепт сформировался под влиянием таких облигаторных текстов, как «Станционный смотритель»

и «Медный всадник» Пушкина (Самсон Вырин, Евгений), «Шинель» Н.В. Гоголя (образ Акакия Акакиевича), «Бедные люди» Достоевского (образ Макара Девушкина). Смысловое ядро концепта заключается в следующем: маленький человек страдает от непосильного бремени житейских невзгод, находясь в зависимости от власти имущих и безличной бюрократической машины. Для автора он является носителем человеческого начала, вызывает сострадание. При этом смирение маленького человека не беспредельно и может обернуться ропотом и даже бунтом. Важно, что художественный первообраз амбивалентен, равно как и авторское отношение к нему. В частности у Гоголя, сочувствие сочетается с насмешливостью. В образе Акакия Акакиевича отсутствие высоких духовных запросов, скудоумие уживаются с кротостью и смирением, напоминающим юродство. Именно гоголевское видение образа окончательно смоделировало мифологему и определило ее эволюцию. Это подтверждает афористичная формула Достоевского «Все мы вышли из гоголевской шинели», прямого наследника писателя в реализации мифологемы, и лексическая экспликация самого понятия Белинским в статье «Горе от ума», опирающаяся на интерпретацию «Ревизора». Примечательно, что все создатели интертекстуального образа выводили на первый план такую важнейшую его составляющую, как гуманистическое (в толковании В.Г. Белинского) или этическое, по выражению американского исследователя «Шинели» Д. Фангера [Фангер 1995: 57], восприятие маленького человека как человека вообще. В творчестве Гоголя и Достоевского подобное этическое восприятие определено христианской традицией.

В этом контексте важно замечание В.А. Недзвецкого [Недзвецкий 2020: 243] о принципиальном семантическом ак-

центе в выражении «бедные люди», ставшем заглавием повести о маленьком человеке у писателя. Благодаря ему внимание смещается с социального разряда героев на их принадлежность к «людям», т. е. всему роду человеческому и тому Ноеву ковчегу, которым спаслось человечество. Здесь исследователь дешифрует образную характеристику, которую дает своему жилищу Макар Девушкин, – «Ноев ковчег», «люди самые разные живут». Именно Достоевский помещает мифологему в онтологическую реальность.

Дальнейшая эволюция мифологемы в литературе в основном связана с огласовкой акцента в авторской позиции: с тем, что именно – сочувствие, гуманистическое отношение или насмешка – выходит на первый план. Примечательно, что при заострении комичности, отрицательной интерпретации тускнеет или перекодируется христианская огласовка образа – так смирение, кротость воспринимаются как пассивность, забитость. Уже в XIX веке иронизирует над отсутствием собственного достоинства у чиновника с говорящей фамилией Червяков Чехов в «Смерти чиновника». В XX веке, в частности у Зощенко и Маяковского, маленький человек по сути превратится в антигероя, убогого обывателя с житейской философией. Вообще, в XX веке мифологема будет неоднократно отвергаться литературой, выступая в роли некоего барометра состояния общества. Например, в 20-тые годы XX века комплекс качеств маленького человека (христианское смирение, непротивление обстоятельствам) окажется чужд «добродетелям» строителей нового мира, враждебен новому человеку. В 90-ые благодаря СМИ «униженные и оскорбленные» системой с легкостью вершили судьбы обидчиков – власть имущих. Однако деконструкция мифологемы маленький человек определялась не только ее десоциализацией, но

и дегуманизацией. Постмодернистская культура пыталась развенчать миф о великой классической литературе, неотъемлемой частью которого и является мифологема. Сильнейший нравственный заряд классической литературы казался в начале века чрезмерно идеалистическим.

На настоящий момент можно говорить о сложнейшем культурном процессе, предполагающем как отмежевание от мифологема, так и реанимацию ее в новом пространстве искусства, а именно в кинематографе. Первая тенденция, на наш взгляд, во многом связана со сменой этической христианской доминанты мифологема психологической, зачастую психотерапевтической. В данном случае можно говорить о психологическом мировоззрении, по выражению М.В. Розина [Розин], которое стало общекультурным феноменом. Одна из первых психоаналитических оценок образа маленького человека принадлежит И.Д. Ермакову, стоявшему у истоков советского психоаналитического литературоведения. Ученый выделяет две уживающихся в маленьком человеке, противоположных между собой природы – «природу оскорбленного и униженного существа и агрессивную, пугающую, наводящую на всех живых ужас» [Ермаков 1999: 246]. Современники встретили оценку психиатра с недоверием и насмешкой. Сегодня о том, что понятие рассматривается не в системе онтологических координат, а как явление психологического порядка, свидетельствуют лексика, терминологический инструментарий, к которым прибегают как писатели, так и литературные критики при негативной характеристике образа. Например, О.Л. Калашникова, оценивая трактовку национального мифа о маленьком человеке в творчестве Маканина, пишет о понимании писателем литературоцентризма как декодера

психологии поколения, названного им «солдатами литературы» и вытесненного поколением «политиков и бизнесменов». Отрицательное же отношение к самой мифологеме у Маканина оценивается О.Л. Калашниковой с помощью терминов «модель поведения», «модель поиска выхода»: «Воспитанный на идее сочувствия маленькому человеку – идеалу бедного, обойденного судьбой существа, читатель воспринял и соответствующую модель поведения: бесплодного жаления себя, тогда так созидательной может быть лишь модель поиска выхода, а, значит, действия» [Калашникова].

В свою очередь, З. Прилепин считает, что русской литературе «не хватает человека счастливого, не хватает сильного» [Прилепин]. Маленький человек у писателя входит в круг «увечных героев». Интересен и выбор характеристик гоголевского маленького человека в так называемых синквейнах (стихотворениях, по определенным правилам раскрывающим определенную тему), предлагаемых школьникам в качестве задания: «несчастный», «ничтожный», «отчаивался», «подавленный», «расстраивается», «слабохарактерный», «молчит», «терпит». Едва уловимая перестановка акцентов, смещение их с духовного на психологическое приводит к тому, что смирение интерпретируется как отсутствие самоуважения, кротость как слабость, забитость. Маленький человек при подобной расстановке акцентов воспринимается уже не в оппозиции бездушной системе, миру, а в противопоставлении натуре деятельной, сила которой в самости. Неслучайно идеология, лежащая в основе психотерапии, – стремление к изменению себя, движению туда, куда тебя поведет твое «Я», максимальной самореализации. Интересно, что известная статья неофрейдиста В. Райха, одного из основоположников американской школы психоанализа «Посмотри на себя,

маленький человек!» содержит призыв к самореализации и ответственности за свои поступки.

Однако социально-психологическое прочтение образа лишает мифологема сложнейшего национального этического ореола, созданного русскими классическими прототекстами Пушкина, Гоголя и Достоевского. Подобное прочтение придает ей некий глобальный универсальный смысл, но опасно лишает глубины. Зачастую такую огласовку обретают мифы в голливудском кино, ориентированном на мировую массовую аудиторию. А, как известно, ориентация образа на массовое восприятие зрителей предполагает его опрощение. Интересно, что спрямление рассматриваемой мифологемы до однозначности задает типовую коллизию боевика — маленький человек, вызывающий жалость, вступает в конфликт со своими обидчиками, системой, миром. Но торжество справедливости обязательно предполагает насилие. В этом контексте интересно обратиться к результатам исследования М. Яновского и А. Приймак о влиянии типовой коллизии боевика — «превращение маленького человека (как некоего ничтожного героя-одиночки) в сверхгероя, супермена-мстителя» — на моральное самосознание зрителя [Яновский]. По результатам эксперимента был сделан вывод об ощущении зыбкости, взаимозаменяемости категорий добра и зла как психологической реакции на увиденное на экране. Модель образа маленького человека, вызывающая у аудитории подобную реакцию, в интерпретации авторов исследования совпадает с психоаналитической трактовкой образа, о которой мы писали выше: личностью героя, а за ним и аудиторией, переживаются две противоположные фазы динамичного состояния границ личностного пространства — уничтожение и гордость. По мнению авторов, их взаимопротиво-

положность накаляет эгоцентризм личности и проецируется вовне в жалость и агрессию, т. е. в претензию на власть, суд над себе подобными. Эта характеристика роднит маленького человека и «сверхчеловека Ницше», поставившего себя над добром и злом. По сути, перед нами Раскольников, лишенный совести, покаяния. Подобное соположение добра и зла привело автора «Преступления и наказания» к разочарованию в революционных идеях, согласно которым благо предполагало убийство. Именно при такой огласовке образа маленького человека степень сопереживания вовлеченности в мир героя оказывается максимальной, как резюмируют авторы исследования. Неслучайно считается, что популяризация «эстетики насилия» во многом обязана киножанру боевика.

В современном русском кинематографе в силу его литературоцентричности и особой открытости мифопоэтике мифологема маленького человека зачастую реанимируется именно в огласовке русской классики, сохраняется многомерная национальная самобытность образа, его этическая доминанта. Именно с перепрочтения литературы, диалога двух искусств и начиналось русское кино. А. Ханжонков в 1909 году экранизирует «Песню про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова, этим фильмом был задан основной вектор развития русского кино, его «эстетический и духовный масштаб». Как пишет киновед В.А. Рогова, «ни одна кинематография мира так обильно не питалась подлинной литературой, как русское младенческое кино» [Рогова 2016]. И не только младенческое, можем мы добавить. Стоит только вспомнить культовые экранизации «Войны и мира», «Тихого Дона», «Собачьего сердца» или сложно ориентированные на словообраз фильма Тарковского. В движении к киногении, визуальности русский кинематограф работает не только с прямой

ориентацией на слово, текст, смысл, сколько на национальные мифы, созданные литературой. И ключевым из них является именно миф о маленьком человеке.

На фоне зачастую иронической дистанцированности профессиональной литературы от формулировки «маленький человек», о чем мы писали выше, ее принятие самими режиссерами и кинокритиками свидетельствует об осознанной ориентации на сохранность обозначаемой ей литературной культуры в киноискусстве. В частности, Ю. Арабов, постоянный сценарист фильмов А. Сокурова, заведующий кафедрой драматургии кино во ВГИКе, говоря о возможной адаптации русским кино американской модели культурного героя, настаивает на том, что для него по-прежнему героем является «маленький человек» с его проблемами и переживаниями.

Особое место в разработке нарратемы о маленьком человеке, на наш взгляд, занимают фильмы А. Звягинцева. Это неудивительно, так как творчество режиссера-сценариста откровенно литературоцентрично: Звягинцев неоднократно упоминал о влиянии на его становление русской классики («Я произрастаю из этой культуры, из культуры Достоевского, Толстого и прочих») [Звягинцев]. Более того, режиссер прямо говорит о работе с понятием маленький человек в своем творчестве. В частности, в интервью о фильме «Левиафан» он сам выделяет концепт как базовый в понимании своего замысла: «Мне было до недоумения обидно, что фильм не приняли те, во имя кого он и был снят, к кому обращен, на чью защиту вставал... маленькие люди... Этот фильм о народе, он всем своим существом за маленького человека» [Звягинцев]. Особенно значимо, что Звягинцев реанимирует миф о маленьком человеке в трагичной огласовке, реализующей именно русскую его модель.

Примечательно, что современные психологи, анализируя трагическую линию маленького человека в русском кино, осознают ее связь с национальным мифом, но обедняют осмысление нарратемы до реализации депрессивных феноменов — пассивности, отказа от попытки перемен. Так, гештальт-терапевт Т. Салахиева-Талал пишет, что типичный герой отечественного авторского кино — маленький «депрессивный пассивный человек, бессильный перед системой, миром», и приводит в качестве доказательства фильма Ю. Быкова «Дурак» и А. Звягинцева «Левиафан» [Салахиева-Талал 2019: 73]. Психолог отмечает, что такая концепция несчастливого финала типична для нашей культуры, уверена, что, отражая наше прошлое и настоящее, она поддерживает депрессивное поле мировосприятия. При этом гештальт-терапевт полагает, что кино, сохраняя трагичные национальные мифы, может либо транслировать их зрителю, становясь немилосердным зеркалом, на языке психологии — хорошим сеансом психотерапии, либо напрямую предлагать выход из переживания. По ее мнению, фильмы Звягинцева принадлежат к кино первого типа. На наш взгляд, подобная модель работы с мифологемой связывает Звягинцева с литературоцентричной традицией Гоголя, Достоевского и Пушкина, что и позволяет режиссеру сохранить ее важнейшую этическую христианскую составляющую, нивелируемую психологом.

Так, неслучайно фильм Звягинцева «Левиафан», реализующий обреченность, трагедию маленького человека в мире, корреспондирует не только с трактатом Гоббса о государстве, но и с притчей о праведнике Иове. Та же вписанность протосюжета в линию маленького человека присутствует, по наблюдениям ряда ученых, в «Медном всаднике» Пушкина. Исследователями

пушкинского творчества (А.Е. Тарховым, А. Архангельским) неоднократно указывалось на содержательную связь образов маленького человека Евгения и образов ветхозаветной повести. При этом, по выражению А. Архангельского [Архангельский 1990: 56], в «Медном всаднике» следует видеть «зеркально» перевернутое отображение библейской ситуации. Если «Книга Иова» начинается и заканчивается, по наблюдениям С.С. Аверинцева, идиллией, в пушкинском мире возврат к идиллии после трагедии невозможен.

В фильме трагизм безысходности испытания возведен Звягинцевым в абсолютную степень, что отмечает большинство кинокритиков. Это может быть истолковано, в частности, отзеркаливанием библейских протосюжетов в мир, где Богу не доверяют («Сказка, что ли?» — переспрашивает лишившийся всего современный маленький человек Николай священника, пересказавшего ему вкратце идилический финал притчи об Иове), а сам Левиафан буквально превращается в скелет погибшего кита. Лишившись христианской составляющей, нарратема маленького человека разворачивается в беспросветном мире, где высший суд над ним творит не обезличенная бюрократическая система, государственная машина, а другие уверовавшие в свою власть люди. Повторяется не столько гоголевская модель мироустройства, где герои решают, как именно «Богом заведено», или просто «не тверды в вере», сколько модель мира по Достоевскому, где люди давно стали, «яко боги». В фильме, возможно, присутствует травестийная перекличка с эпилогом «Преступления и наказания». В эпилоге романа идилическая изначальность степного пейзажа, в который вписаны герои, реализует идею возвращения к Богу. Неслучайно в «Подростке» и «Бесах» экфрасис любимой картины Достоевского «Асис и

Галатея», которую он сам называл «золотым веком» за пейзаж, напоминающий земной рай, реализует идею трансформации богооставленности, сиротства в «новое, последнее воскресение». В «Подростке» Версиков, толкуя свой идилический сон с «зовущим солнцем» Лоррена, завершает его образом Христа, возвратившегося к осиротевшим людям, из «Видений Христа на Балтийском море» Гейне. У Звягинцева ледовая первозданность пейзажистики, которую воссоздает берег Баренцева моря, при исключенности из пейзажа человека не дает зрителю надежду на возврат к Богу, а подчеркивает отпадение от него.

Реализовать другую ипостась нарратемы маленького человека, а именно его бунт, помогает режиссеру киноприем субверсии, игры с мифологемой, сознательное избегание разворачивания ее в сюжет, ожидаемый зрителем. В «Елене» реализуется ужасная (воспользуемся словом-находкой Звягинцева, с помощью которого иронически обыгрывается в комментариях к сценарию другая мифологема «Елена Прекрасная») метаморфоза, превращение бунтующего маленького человека в обывателя-убийцу, травестийного подпольного человека. Разобщение социальное наложено у Звягинцева, как и у Достоевского, на разобщение человеческое. Современный сеттинг Москва-Замкадье перенесен в фантастическое пространство романов писателя, сужаясь сначала до образа «случайного семейства», а затем схлопываясь до потемков души главной героини. Примечательно, что находящееся в центре сюжета убийство героиней богатого и скупого мужа, который относится к ней как к служанке, совершаемое ради семейного блага (спасения внука от армии) и благополучия (квартиры) окрашено традицией, реализующей тему бунта в русской литературе начала XX века. Неслучайно мужа играет А. Смирнов, создавший в кино образ

Бунина. Бунин в своем художественном дневнике «Окаянных днях» и в лекции «Великий дурман» наметил тему революции как апокалиптической трагедии для России, воссоздал темный, звериный лик народного бунта.

В свою очередь, образ Елены, уже ставшей убийцей, Звягинцев вписывает в культурный код романов Достоевского, в частности «Преступления и наказания», встраивая мифологему маленький человек в один ряд с мифологемой подпольного человека, которую эксплицирует ассоциативная атрибутика образа Раскольникова («вошь дрожащая», «кровь по совести», «дьявольская арифметика» разрядов), «Последние станут первыми», — единственный раз сорвется на крик молчаливая Елена, невольно кощунствуя, бросая вызов не желающему помочь внуку мужу. Интонацией лозунга искажается, превращается в чудовищную житейскую формулу материального неравенства, теорию разрядов цитата Иоанна Златоуста, в которой единственным мерилom ценности является любовь к Христу. В отношении к нему, им отсчитываются люди. Комментарий режиссера к ключевому символическому эпизоду фильма максимально ярко высвечивает параллель Елена — Раскольников. Героиня едет в электричке и видит в окно мертвую белую лошадь. По словам Звягинцева, она обеспокоена, вдруг про нее все узнали, на воре и шапка горит. Поезд едет мимо, однако возмездия не миновать. «Мне нужна была лошадь, чтобы осталось ощущение, что Елена будет маяться. Она будет жить в мире знаков, того, что она совершила сама с собой. Это не европейская история и не американская, где человек... вышел сухим из воды. «Елену» делали люди, рожденные в России, связанные с эсхатологическим ожиданием», — говорит режиссер [Тимашева].

Архетипичная символика снов Достоевского органично становится частью

поэтики снотворческого кинодискурса Звягинцева. Режиссер признавался в том, что на протяжении нескольких лет жил Достоевским, «дышал им» и «разговаривал его языком». О вписанности образа героини в поэтику писателя автор проговаривается, когда вспоминает о влиянии на сценарий признания черта из видения Ивана Карамазова, мечтающего воплотиться в семипудовую купчиху, которая ставит свечи — кому за здоровье, кому за упокой. В фильме эта «мечта» фактически материализуется в знаменитом эпизоде. В церкви героиня раздумывает, какую свечку (за здоровье или за упокой) ей поставить попавшему с инфарктом в больницу мужу. «Сквозь мутное стекло» иконы она видит не лики святых, а только свое отражение. «Елена», — уже открыто переходя на язык Достоевского, признает режиссер, — это поле битвы, где внутри человека происходит мистерия... происходит апокалипсис». Именно визионерские образы писателя помогли Звягинцеву воссоздать ужасное в мире души Елены, маленького «человека как законченного обывателя», умаляющего себя до ядра, до атома, по выражению самого автора.

Эстетический культурный код, к которому обращается режиссер, парадоксально связан с этической доминантой мифологемы. Кинотекст, дешифруемый, считываемый сквозь призму традиции русской классической литературы под определенным метафизическим углом, оказывается повернут в сторону гуманистического пафоса. Ориентация на дискурс Достоевского реализует заложенную в кинотекст поэтику писателя. По Бахтину, стратегию диалогического слова. В данном случае утверждающим словом, которым было у писателя слово Священного писания, становится у режиссера слово самого Достоевского. Откликнувшийся на него зритель обретает себя в поиске Бога.

Интересно, что диалог кинотекста с русской классикой, в первую очередь с Достоевским и Гоголем, предполагает тяжесть, сложность его прочтения именно в силу насыщенности трагизма, гротескного сгущения зла. О преемственности собственной гротескной кинопоэтики по отношению к гоголевскому идиостиллю неоднократно упоминает и сам Звягинцев, открыто называющий своего героя гоголевским маленьким человеком. Он также пишет об особом гоголевском взгляде на современника, об умении автора «Мертвых душ» говорить горькую правду, жечь сердца людей, наследуя Пушкину, «рассказывать людям, как они живут, какое бытие их окружает и что они творят» [Петракова]. Именно этот художественный принцип определяет устройство драматического повествования у Звягинцева, в частности мрачность открытых финалов. Вслед за классиком, как признается режиссер, он изображает человека таким, каков он есть, чтобы заставить его задуматься, ужаснуться. По выражению Звягинцева, он придерживается идеи платоновской горькой пилюли: пилюля горька, но она несет исцеление. В данном контексте удивительна реакция главного адресата фильмов Звягинцева, где в центре мифологема маленького человека, — самого маленького человека. По откликам на фильмы режиссера можно констатировать, что большинство зрителей не столько не увидело зеркало, сколько ужаснулось отражению. Ключевые реакции на фильм содержат слова: «утрированный», «не дается ответ на вопрос», «унылое отчаяние», «черным-черно», «нет надежды». Те зрители, кто считает идею богооставленности, ставят вслед за афонскими монахами себе и современникам диагноз «христокардия» и задумываются о лечении. Фактически о такой же реакции аудитории на творчество Достоевского пишет М.В. Заги-

дуллина, оценивая результаты анализа эмоциональных и психологических ассоциаций, возникших у современных читателей при чтении его романов: «Главный очевидный вывод — «негатив» преобладает над «позитивом». Для поверхностного взора своих соотечественников Достоевский остается мрачным гением, нелюдимым талантом. Он ... заинтересовывает, но и раздражает читателя и не читателя» [Загидуллина 2001: 513]. И вместе с тем, заключает исследовательница, «его мрачность нужна современникам», так как «обладает не столько гнетущим, сколько просветляющим эффектом» [Загидуллина 2001: 513]. Необходимо отметить, что Звягинцев придает литературной традиции новый сложный ракурс не только в «Елене», но и в «Левиафане», сталкивая поэтику Гоголя, Достоевского и Пушкина, что также влияет на то, как «считывает» его зритель. Гоголевская модель мира воссоздается в фильме благодаря реминисценциям из «Ревизора». Сцены встречи мэра, «нового городничего», с подчиненными фактически воскрешают атмосферу и текст пьесы. При этом создавая свой гротескный «город всей темной стороны», писатель исключает изображение духовенства. В фильме впервые, по выражению А.Д. Удланера, представлено «религиозное нехристианство». Сам режиссер ассоциирует свой замысел с Достоевским, по-своему истолковывая его знаменитые слова «Если бы как-нибудь оказалось, что Христос вне истины и истина вне Христа, я предпочел бы остаться с Христом вне истины» [Звягинцев]. По его мнению, Достоевский говорит о том, что люди, в том числе и некоторые священнослужители, приспособили существо Христа учения к «своим плоским властным нуждам». Однако режиссер, верный духу Гоголя, всё же оставляет в фильме одного истинного пастыря. При ощущении

всенаходимости зла, его остросовременном толковании отчетливее проступает связь мифологеми Звягинцева именно с пушкинской традицией изображения маленького человека в «Медном всаднике», одном из немногих текстов Пушкина, где нет ответов на вопросы, поставленные автором. Образ маленького человека Николая из «Левиафана» с его тихим вопросом Богу «За что ты со мной так?» ассоциируется в русском культурном сознании с косвенным упреком творцу, вписанным в сцену краха мира маленького человека в поэме «Иль вся наша и жизнь ничто, как сон пустой, насмешка неба над землей?» Ощущение бессилия человека перед не подвластными ему силами окрашивает мифологему высоким трагизмом и делает максимально близкой современному человеку. При этом в поэме нет разреше-

ния конфликта Евгения ни с Богом, ни с властью. Как пишет А. Ранчин: «Пушкин создал поэму, полную глубинного символично-мифологического смысла, а мифология не дает ответы на вопросы «кто прав?» и «кто виноват?» [Ранчин 2004]. И здесь режиссер оказывается максимально близок Пушкину. По его мнению, подход, не дающий разрешения проблемы, гораздо сильнее работает, воздействует на зрителя. Он дает возможность поставить сложные вопросы перед человеком, на которые придется отвечать ему самому. По сути в этом заключалась исцеляющая великая традиция большой русской литературы XIX века. То, что дает возможность говорить о ней как о национальной мифологии, — она заставляет искать ответы на вечные вопросы, выступает в роли инструмента понимания себя и мира.

Литература

1. Архангельский А. Стихотворная повесть А.С. Пушкина «Медный всадник». М.: Изд-во Высшая школа, 1990. С. 56.
2. Долин А. Человек свободный на наших глазах превратился в человека потерянного. [Электронный ресурс] — Режим доступа <http://medusza.io/feature/2017/05/29/chelovek-svobodnyy-na-nashih-glazah-prevratilsya-v-cheloveka-poteryannogo>
3. Ермаков И.Д. Психологизм литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 246.
4. Журавлева А.И. Новое миротворчество и конец литературоцентризма // Кое-что из былого и дум. М.: Издательство Моск. ун-та, 2013. С. 253.
5. Загидуллина М.В. Достоевский глазами соотечественников // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 513.
6. Звягинцев А. Конструктивных предложений от критики я не слышу [Электронный ресурс] — Режим доступа <http://pozneronline.ru/2021/01/31074/>
7. Калашникова О.Л. Как и какими мы вышли из гоголевской «Шинели»? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/761>
8. Недзвецкий В.А. «Бедные люди», или Право на личность и ее тайну // Шестнадцать шедевров русской литературы. М.: Издательство Моск. ун-та, 2020. С. 243.
9. Петракова А. А. Звягинцев: «Я люблю свою родину и уже устал это повторять». Смоленск. Газета Рабочий путь. 28.09.2020. [Электронный ресурс] —

- Режим доступа <http://www.rabochy-put.ru/culture/151648-andrey-zvaygintsev-ya-lyublyu-svoyu-rodinu-uzhe-ustal-eto-povtoryat.html>
10. Прилепин З. России нужны герои. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/zavtra.html>
  11. Ранчин А. Еще раз об авторской позиции в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» // Литература. 2004. № 26. С. 21.
  12. Рогова В.А. Экранизация – нерв русской киновольницы / Литература на экране: взгляд психологов, писателей и кинематографистов. Материалы международной научной конференции. Психологический институт РАО, Литературный институт им. А.М. Горького. М.: ПИ РАО, 2016. 352 с.
  13. Розин М.В. Религия и психотерапия: возможен ли кентавр? // Московский психотерапевтический журнал. 1994, № 2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: Psylib.org/ua/books/-rozin01.html
  14. Салахиева-Талал Т. Психология в кино: создание героев и историй. М.: Издательство Альпина Нон-фикшн, 2019. С. 73.
  15. Тимашева М. Режиссер Андрей Звягинцев – о фильме «Елена», выходящем в российский прокат [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.svoboda.org/a/24337571/html>
  16. Фангер Д. В чем же, наконец, существо «Шинели» и в чем ее особенность // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1995. С. 57.
  17. Шурупова О.С. Образ «маленького человека» в петербургском и лондонском текстах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article...obraz-malenkogo-cheloveka>
  18. Яновский М., Приймак А. Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я – концепты учителя (постановка проблемы) [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/vlijanie-filma-boevika-na-moralnye-aspekty-ya-kontseptsii-zritelja-postanovka-problemy>

The concept «little man» in the present Russian cinema discourse

A.V. Vavulina

Lomonosov Moscow State University

E-mail: avavulina@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the existence of the concept «little man», «a person of no importance» in modern Russian cultural space. The author selects two opposite tendencies in understanding the concept that have been outlined in modern art. One of the tendencies shows that the comprehension of the concept in literature, journalism is transferred to the psychological system of co-ordinates that is connected with leveling and oversimplifying national humanistic perception of concept. The other tendency shows that renaissance of the concept has emerged in word usage that was set by Russian classic literature in the cinema discourse. This tendency is illustrated by examining A. Zvyagintsev's films.

Key words: mythologeme «little man», concept, ethical dominant, cinema discourse.

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-22-29

Термин «обучение» в современных педагогических словарях и учебниках педагогики

Л.В. Московкин,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: l.moskovkin@spbu.ru

Ю Ёнтэ,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st080753@student.spbu.ru

В статье рассматривается семантика термина «обучение» в современной российской педагогической литературе. На основе анализа учебников педагогики и педагогических словарей делается вывод о том, что единое понимание научного понятия «обучение» в российской педагогике отсутствует. Крупнейшие представители современной педагогики дают этому понятию разные определения, но при этом употребляют термин «обучение», главным образом, в традиционном значении как деятельность учителя.

Ключевые слова: педагогическая терминология, педагогическое терминоведение, лингвистический анализ, обучение.

Введение

Одним из основных и наиболее значимых терминов для всех педагогических наук является термин «обучение». Он чаще других встречается в научных работах по педагогике и в методических пособиях для преподавателей, что закономерно ставит его в центр педагогического терминоведения. Если рассматривать педагогическую терминосистему как некое поле, то термин «обучение» будет находиться в его ядерной части, что, например, было показано А.Н. Щукиным, рассматривавшим систему обучения русскому языку как иностранному именно с позиций полевого подхода [Щукин 2003: 69]. Несомненно, такая роль этого термина требует к нему особого внимания и бережного отношения.

Однако проблема состоит в том, что этот термин, пришедший в язык рос-

сийской педагогики из обиходного русского языка, многозначен. Он употребляется в педагогических текстах в разных значениях, что не только создает неудобство в его понимании, но и противоречит общему методологическому требованию однозначности научного термина [Коршунова 1992]. Так, в предложении «Испытав неудачи в обучении, студент потерял интерес к учебе» обучение – это деятельность студента, в предложении «Благодаря новым приемам обучения учителя, студентам удалось усвоить новый материал» это деятельность учителя, а в предложении «Участники обучения были довольны его результатом» – это деятельность и учителя, и учащегося (или учащихся). Кроме того, в педагогической литературе нередко встречаются контексты, в которых вообще невозможно определить субъект обучения.

Существует ряд научных трудов, посвященных российской педагогической терминологии [Кантор 1968; Комаровский 1969; Маркина 1999; Тузлукова 1999; Кичева 2004; Паршина 2006; Кошкина 2012, 2016; Янченко 2011], однако, в них обращается внимание в основном на связь педагогических понятий, т. е. на их определения, классификации или взаимные отношения, а не на функционирование терминов в педагогических текстах. Это же относится и к термину «обучение».

Значимость термина «обучение» в современных¹ педагогических науках и неоднозначность его употребления в разных контекстах требуют проведения его терминоведческого исследования, которое, как и любое другое подобное исследование, по своей сути является междисциплинарным. Терминоведческое исследование педагогических терминов занимает место на стыке лингвистики и педагогики, в нем используются методы этих двух разных наук, а его результаты могут быть интересны как лингвистам, так и педагогам.

Методология исследования

Цель данной работы – выявление значений термина «обучение» в современной педагогической литературе.

В основу настоящего исследования легло предположение о том, что употребление термина «обучение» в работах того или иного автора, должно испытывать влияние определения понятия «обучение», сформулированного этим автором. Соответственно, были выдвинуты две основные задачи исследования:

– изучение определений этого понятия в учебниках педагогики и педагогических словарях и выявление разновидностей этих определений;

– выявление семантики термина «обучение» в работах определенного автора и ее соотнесение с определением понятия «обучение», сформулированного этим автором.

Для выполнения этих задач в настоящей работе используются:

– метод понятийного анализа (для изучения определений понятия «обучение»);

– метод сплошной выборки контекстов из педагогической литературы;

– метод терминологического анализа (для изучения значений термина «обучение» в различных контекстах);

– метод математической обработки данных.

Материал исследования:

– 9 учебников педагогики и педагогических словарей, из которых извлекались определения понятия «обучение» [Бордовская, Реан 2006; Крившенко 2010; Лузина 2003; Новиков 2013; Пидкасистый 2020; Подласый 2002; Российская педагогическая энциклопедия 1993–1999; Полонский 2004; Слестинин 2014];

– работы А.М. Новикова «Педагогика: словарь системы основных понятий» [Новиков 2013] и И.П. Подласого «Педагогика: новый курс: учебник для студентов высших учебных заведений» [Подласый 2002]², из которых методом сплошной выборки извлекались

² Оба автора – крупнейшие представители современной педагогики, чьи труды активно используются в наше время. Александр Михайлович Новиков (1941–2013) – действительный член Российской академии образования (РАО), автор более 350 научных работ по методологии, теории образования и педагогики, теории и методике трудового обучения и профессионального образования, психологии и физиологии труда. Иван Павлович Подласый – директор научно-исследовательского центра Киевского национального педагогического университета им. М. Драгоманова (Украина). Его учебник педагогики для студентов педагогических вузов признается современными российскими преподавателями более удачным по сравнению с другими учебниками [URL: <http://ezo.club/forum/topic.php?id=194561>].

¹ Под современной педагогикой в настоящей работе понимается педагогика последних 30 лет.

Таблица 1

**Определения понятия «обучение» в педагогических словарях
и учебниках педагогики**

Обучение как ...	деятельность учителя	деятельность учащихся	совместная деятельность учителя и учащихся	деятельность общества
Российская педагогическая энциклопедия 1993–1999			+	
Лузина 2002			+	
Подласый 2002			+	
Полонский 2004				+
Бордовская, Реан 2006			+	
Крившенко 2010		+		
Новиков 2013		+		
Сластенин 2014		+		
Пидкасистый 2020			+	

контексты с термином «обучение»; эти контексты в дальнейшем подвергались терминологическому анализу³.

Результаты исследования

Определения понятия «обучение».

Анализ определений понятия «обучение» в современных учебниках педагогики и педагогических словарях показал, что обучение определяется как деятельность учащегося, как двусторонняя, совместная или взаимосвязанная деятельность учителя и учащегося или как деятельность общества. Приведем примеры:

1) Обучение как деятельность учащегося: «обучение есть не что иное, как специфический процесс познания, управляемый педагогом» [Сластенин 2002: 178].

2) Обучение как двусторонняя, совместная или взаимосвязанная деятельность учителя и ученика: под обучением понимается «процесс взаимодействия учителя и учащихся, в результате которого обеспечивается развитие ученика» [Бордовская, Реан 2006: 25].

3) Обучение как деятельность общества: обучение – это «особая коллективная социальная деятельность по организации целенаправленного усвоения молодым поколением накопленного обществом опыта, воплощенного в соответствии с социальным заказом в содержании образования» [Полонский 2004: 34].

Представим данные по девяти источникам в таблице 1.

Анализ семантики термина «обучение» в педагогическом словаре А.М. Новикова и в учебнике педагогики И.П. Подласого.

Контексты для анализа были собраны методом сплошной выборки. В работах двух авторов найдено всего 1579 случаев употребления термина «обучение». Из них было исключено

³ Для настоящего исследования были выбраны учебники и справочные пособия, а не научные труды по педагогике, так как они обладают нормативной функцией и в силу этого должны содержать устоявшиеся научные положения и факты, не вызывающие возражений у профессионалов.

306 случаев, где термин «обучение» находился в составе заголовков, что не позволяло уверенно определить его значение, или в цитатах из работ других авторов. Таким образом, были проанализированы всего 1273 случая.

При определении семантики термина «обучение» в собранных контекстах учитывались слова вспомогательного характера, такие как «учитель», «ученик», «преподаватель», «учащийся», «обучающийся», «обучаемый» и т. д. Например, И.П. Подласый, давая в своем учебнике рекомендации будущим педагогам, пишет: «Шире используйте в *обучении* практические ситуации, требуйте от учащихся самостоятельного видения, понимания и осмысления различий между наблюдаемыми в жизни фактами и их научным объяснением» [Подласый 2002: 448]. В данном контексте автор рекомендует использовать практические ситуации, требовать от учащихся видения, понимания и осмысления фактов педагогу. Соответственно, обучение понимается как деятельность обучающей стороны, на что указывают такие слова, как «используйте», «требуйте от учащихся». Наблюдаются также случаи, где субъект обучения не указан, но определяется по другим словопоказателям. Например, в предложении «МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ – элемент метода *обучения*, при помощи которого достигается решение частных педагогических задач, входящих в общую цель применения соответствующего метода *обучения*» [Новиков 2013: 104] можно понять, что если решение педагогических задач достигается посредством какого-либо метода обучения, то в данном контексте субъектом является обучающая сторона, то есть идет речь о деятельности учителя.

Все рассмотренные нами контексты были разделены на группы: «деятельность учителя», «деятельность учащихся», «совместная деятельность учителя и

учащихся», и «субъект деятельности не определяется». Для наглядности представления результатов анализа и их сравнения с собственными определениями авторов, даются сводные данные в виде таблиц.

В педагогическом словаре А.М. Новикова дается следующее определение понятия «обучение»: «Обучение (синоним – учение) – развитие знаний, умений, навыков, привычек обучающегося или, что то же – развитие его опыта (в первом, педагогическом значении)» [Новиков 2013: 145]. Автор пишет, что синонимом термина «обучение» является «учение», которое определяется как «деятельность человека (обучающегося) по развитию своего опыта личности – знаний, умений (компетенций), навыков, привычек» [Там же: 236]. Таким образом, для А.М. Новикова обучение есть деятельность учащихся.

Затем были проанализированы 439 случаев употребления термина «обучение» в этом педагогическом словаре, и было обнаружено, что в 235 случаях в качестве субъекта выступает обучающая сторона – учитель, преподаватель или образовательные учреждения, предприятия, организации, а также учреждения, имеющие соответствующие лицензии и т. д. Учащиеся выступают субъектами обучения в 82 случаях, а учитель и учащиеся в 23-х. Представим эти результаты в таблице 2.

Таким образом, несмотря на то, что А.М. Новиков определяет обучение как деятельность учащихся, сам он в большинстве случаев употребляет этот термин в значении «деятельность учителя», например, характеризуя понятие «лекция», он пишет: «Поэтому преподаватель использует приемы *обучения*, снимающие этот недостаток: изменение интонации и громкости голоса; мимика, жест, улыбка; одобрение; решение профессионально-ориентированных задач; пауза при изложении вопроса;

Таблица 2

**Процентное соотношение значений термина «обучение»
в педагогическом словаре А.М. Новикова**

Значения термина «обучение»	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Совместная деятельность учителя и учащихся	Не определяется	Итого
Количество случаев	235	82	23	99	439
В процентах (%)	53,5	18,7	5,2	22,6	100

применение аудиовизуальных средств *обучения* и др.» [Новиков 2013: 90–91]. В данном случае понятно, что субъектом обучения является преподаватель. Что же касается значения «деятельность учащихся», то отмечено только 82 употребления термина «обучение» с таким значением, что составляет всего 18,7%.

В учебнике педагогики И.П. Подласого дается следующее определение понятия «обучение»: «*Обучение* – упорядоченное взаимодействие педагога с учащимися, направленное на достижение поставленной цели» [Подласый 2002: 294]. В этом источнике были проанализированы 834 случая. Точное значение половины из них (418 случаев) установить не удалось. В оставшихся примерах больше половины употреблений (221 случай) также связано со значением «деятельность учителя», например: «Педагогическая функция – предписанное педагогу направление применения

профессиональных знаний и умений. Конечно же, главными направлениями приложения педагогических усилий являются *обучение*, образование, воспитание, развитие и формирование учащихся» [Подласый 2002: 232].

Представим результаты анализа в таблице 3.

Таким образом, хотя И.П. Подласый определяет обучение как совместную деятельность учителя и учащихся, сам же он использует указанный термин в этом значении только в 44 случаях, что составляет 5,3%. Большая часть употреблений в его учебнике связана со значением «деятельность учителя».

Особый интерес представляют случаи, где автор употребляет термин «обучение» в разных значениях в одном предложении. Так, объясняя принцип сознательности и активности, он пишет: «В основе данного принципа лежат установленные наукой закономерные

Таблица 3

**Процентное соотношение значений термина «обучение»
в учебнике педагогики И.П. Подласого**

Значения термина «обучение»	Деятельность учителя	Деятельность учащегося	Совместная деятельность учителя и учащихся	Не определяется	Итого
Количество случаев	221	151	44	418	834
В процентах (%)	26,5	18,1	5,3	50,1	100

положения: подлинную сущность человеческого образования составляют глубоко и самостоятельно осмысленные знания, приобретаемые путем интенсивного напряжения собственной умственной деятельности; сознательное усвоение знаний учащимися зависит от ряда условий и факторов: мотивов *обучения*, уровня и характера познавательной активности учащихся, организации учебно-воспитательного процесса и управления познавательной деятельностью учащихся, применяемых учителем методов и средств *обучения* и др.» [Подласый 2002: 446]. В первом случае — субъектом обучения являются учащиеся по таким показателям, как «усвоение знаний учащимися», «характер познавательной активности учащихся». Во втором случае — субъектом становится учитель, который применяет методы и средства обучения.

Обсуждение

На первом этапе исследования были проанализированы определения понятия «обучение» в девяти современных учебниках педагогики и педагогических словарях. Расположение проанализированных источников в хронологическом порядке показало, что в 1990–2000-х гг. под обучением, в основном, понималась двусторонняя, совместная или взаимосвязанная деятельность учителя и ученика. Точно так же понимается обучение и в учебнике педагогики под редакцией П.И. Пидкасистого [Пидкасистый 2020], который является переизданием учебника, написанного до 2010-х гг. Исключение составляет педагогический словарь В.М. Полонского, где под обучением понимается «особая коллективная социальная деятельность». Однако в 2010-х гг. взгляды авторов изменились: под обучением стали понимать, главным образом, деятельность учащихся. Интересно, что в последние 30 лет ни в одном из проанализированных учебни-

ков не встретилось определение обучения как деятельности учителя.

Традиционно с XVIII в. обучение понималось именно как деятельность учителя, и оно было противопоставлено учению, т. е. учебной, познавательной деятельности учащихся. Идея об обучении как о совместной или взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся восходит, вероятно, к одной из работ П.Н. Груздева [Груздев 1949], и в ней отражается стремление этого автора признать учителя и учащихся равноправными субъектами учебно-воспитательного процесса. Постепенно во второй половине XX в. эта идея становилась доминирующей, о чем свидетельствует, в частности, учебник педагогики под редакцией Ю.К. Бабанского [Бабанский 1983]. Эти взгляды на обучение сохранялись и в первом десятилетии XXI в. Во втором десятилетии стала доминировать идея об обучении как деятельности учащихся, одна из центральных в концепции личностно ориентированного обучения, и это также демонстрируют результаты настоящего исследования.

Однако, какими бы ни были взгляды крупнейших представителей современной педагогики на сущность обсуждаемого понятия, существует общепедагогический дискурс, для которого характерно понимание обучения, прежде всего, как деятельности учителя. Это и вызывает рассогласование устоявшегося узуса термина «обучение» с определениями понятия обучения, сформулированными во многом под влиянием идеологических соображений.

Проведенный в настоящем исследовании анализ семантики термина «обучение» ограничивается работами двух авторов. Однако, если учесть несоответствие употребления термина определениям понятия «обучение» в учебных и справочных трудах по педагогике, можно предполагать, что подобная

тенденция будет характерна и для работ других авторов.

Выводы

1. В современных учебных и справочных трудах по педагогике отсутствует единый подход к определению понятия «обучение». Чаще всего под обучением понимают либо деятельность учащихся, либо совместную или взаимосвязанную деятельность учителя и учащихся. Определения обучения как деятельности учителя в этих трудах отсутствуют.

2. Крупнейшие представители современной педагогики, понимающие под обучением деятельность учащихся или совместную / взаимосвязанную деятельность учителя и учащихся, в тех же самых работах употребляют термин «обучение», главным образом, в его традиционном значении (деятельность учителя), причем такое его употребление оказывается доминирующим. Возможно, следует сохранять традиционное значение этого термина для обеспечения преемственности педагогического знания.

Литература

1. Бабанский Ю.К. (ред.) Педагогика: Учебное пособие для педагогических институтов. М.: Просвещение, 1983. 603 с.
2. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 304 с.
3. Груздев П.Н. Вопросы воспитания и обучения. М.: Изд-во и тип. Изд-ва Акад. пед. наук РСФСР, 1949. 172 с.
4. Кантор И.М. Педагогическая лексикография и лексикология. М.: Просвещение, 1968. 200 с.
5. Кичева И.В. Формирование понятийно-терминологической системы педагогики в 90-е годы XX века: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.01. Пятигорск, 2004. 507 с.
6. Комаровский Б.Б. Русская педагогическая терминология. М.: Просвещение, 1969. 311 с.
7. Коршунова Н.Л. Зачем нужна однозначность научных понятий? // Педагогика. 1992. № 3–4. С. 48–52.
8. Кошкина Е.А. Понятийно-терминологический аппарат педагогики как предмет историко-педагогического исследования // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской Академии образования. 2012. № 5. С. 83–95.
9. Кошкина Е.А. Развитие терминологии отечественной дидактики: начало XVIII – начало XX вв.: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.01. СПб., 2016. 474 с.
10. Крившенко Л.П. (ред.) Педагогика: Учебник / Л.П. Крившенко, М.Е. Вайндорф-Сысоева и др. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. 432 с.
11. Лузина Л.М. (ред.) Словарь педагогического обихода. Псков: ПГПИ, 2003. 71 с.
12. Маркина Т.В. Формирование и функционирование системы терминов методики преподавания русского языка как иностранного: автореф дисс... кандидата филологических наук. М.: ГосИРЯ имени А.С. Пушкина, 1999. 22 с.
13. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. Изд. 2-е, стер. М.: Эгвес, 2013. 267 с.

14. Пидкасистый П.И. (ред.) Педагогика: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 408 с.
  15. Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 кн. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. 576 с.
  16. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высш. шк., 2004. 512 с.
  17. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.Г. Панов. М.: Большая Рос. энцикл., 1993–1999.
  18. Слостенин В.А. (ред.) Педагогика: учебник для студентов учреждений высшего образования. 12-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 608 с.
  19. Тузлукова В.И. Педагогическая терминология: к вопросу прагматического анализа // Интеграция образования. 1999. № 4. С. 16–21.
  20. Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
  21. Янченко В.Д. Проблема терминологии в области истории методики преподавания русского языка // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 103–107.
-

The term «obucheniye» in modern Russian pedagogical dictionaries and textbooks

L.V. Moskovkin,
Saint Petersburg State University
E-mail: l.moskovkin@spbu.ru;

Yuntae Yu,
Saint Petersburg State University
E-mail: st080753@student.spbu.ru

This article deals with the semantics of the term «obucheniye» in modern Russian pedagogical literature. The research findings based on analysis of pedagogical textbooks and dictionaries indicate that there is no clear consensus regarding the term «obucheniye» in Russian pedagogics. Many distinguished scholars of modern pedagogy give different definitions of the term «obucheniye», but at the same time, they use the term mainly in traditional meaning as the activity of a teacher.

Key words: pedagogical terminology, pedagogical terms theory, linguistic analysis, obucheniye.

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-30-34

Иностранные высококвалифицированные специалисты как особый контингент изучающих РКИ

Н.Л. Тихомирова,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: n.tikhomirova@spbu.ru

Статья посвящена описанию относительно нового и не вполне изученного для методики преподавания РКИ контингента – иностранных высококвалифицированных специалистов, живущих и работающих в России и изучающих русский язык. В статье даны основные характеристики этой группы людей, их мотивов и целей изучения русского языка, выявленных на основе анкетирования. Для методики преподавания РКИ важен запрос от этого контингента на скорейшее изучение русского языка в рамках ограниченного круга тем, на адаптацию к русской лингвокультурной среде и на разработку системы обучения, ориентированной на высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: культурная адаптация, высокообразованные специалисты, утилитарная цель изучения РКИ, элитный контингент, русская лингвокультурная среда.

Русский язык продолжает быть востребованным в современном мире. Глобализация экономики, дипломатические связи России, присутствие в нашей стране международных корпораций, компаний, в которых работает много иностранных специалистов высшего и среднего звена, динамично развивающийся российский рынок приводит к увеличению числа иностранных высококвалифицированных специалистов, которые живут, работают в России и изучают русский язык как иностранный (РКИ). Они оказываются относительно новым и не вполне изученным контингентом для методики преподавания РКИ. К проблемам обучения РКИ инофонов именно этой группы нам бы хотелось привлечь внимание ученых-методистов.

Для разработки методических рекомендаций, учебников, авторских

курсов, упражнений, пособий, эффективного проведения уроков преподавателю РКИ необходимо иметь описание обобщенного образа учащегося, объединяющего следующие группы людей. Итак, нас интересуют:

- 1) иностранные менеджеры и инженеры высшего и среднего звена;
- 2) сотрудники дипломатических миссий в России;
- 3) члены их семей.

Рассмотрим подробнее первую категорию иностранцев.

По данным Росстата, на конец 2018 года в России имело действующее разрешение на работу 93,2 тысячи человек, из них более 40 тысяч иностранных специалистов высшего и среднего звена из стран ЕС и стран дальнего зарубежья [Труд и занятость в России 2019: 80].

В списке 50 крупнейших зарубежных компаний в России, подготовленном

Форбс, по состоянию на 2016 г., присутствуют практически все компании, которые являются ведущими и на рынках других стран [50 крупнейших иностранных компаний в России 2017].

По данным портала HeadHunter, большая часть компаний, в которых работают иностранные специалисты, довольны сотрудничеством с ними и планируют его продолжить. Основными причинами приглашения на работу экспатов участники опроса называют большой профессионализм и наличие большего узкопрофессионального опыта по сравнению с российскими специалистами. Иностранные специалисты из развитых стран приглашаются в Россию в первую очередь на руководящие позиции в компаниях, другими словами, это топ-менеджмент. В статье «Экспаты в российских компаниях» портал HeadHunter отмечает, что многие крупные компании приглашают высококвалифицированных иностранных специалистов на руководящие позиции в силу того, что «не могут найти менеджеров, обладающих соответствующим опытом и образованием, в России. Некоторые компании хотят строить корпоративную культуру по западному типу. Кроме того, зарплатные ожидания российских и западных менеджеров высшего звена не отличаются значительно» [Экспаты в российских компаниях].

В последние годы происходит некоторое сокращение количества приезжающих из развитых стран иностранцев [Россия в цифрах 2017]. Но, несмотря на некоторое сокращение притока высококвалифицированных специалистов в Россию, количество специалистов высокой квалификации, рассматриваемое с позиций изучения русского языка как иностранного, вполне сопоставимо с числом иностранцев, обучающихся в вузах РФ. По данным обзора «Факты образования», опубликованном на портале НИУ ВШЭ, «на начало

2015/2016 учебного года в России обучалось почти 240 тысяч иностранцев — 5% от общего числа студентов. Большая часть иностранных абитуриентов (79,2%) поступает в российские вузы из стран бывшего СССР» [Академическая мобильность иностранных студентов в России]. Если вычесть из 240 тысяч иностранных абитуриентов 79,2% из стран бывшего СССР, получим число абитуриентов из стран дальнего зарубежья — около 50 тысяч. Это дает нам право с уверенностью констатировать, что количество профессионалов из развитых стран сопоставимо с количеством студентов из этих же стран.

Ко второй категории людей следует отнести сотрудников дипломатических миссий в России. В Москве располагается 145 представительств иностранных государств, в Санкт-Петербурге располагаются консульские и дипломатические представительства 56 государств. В остальных городах России (в Екатеринбурге, Владивостоке, Калининграде, Казани, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Иркутске, Астрахани, Мурманске, Сочи, Хабаровске и др.) располагается 131 консульское и дипломатическое представительство [Список дипломатических и консульских представительств в России]. К моменту прибытия в Россию не все сотрудники этих представительств свободно владеют русским языком.

На наш взгляд, сохраняются некоторые проблемы с учебными материалами, ориентированными на данный контингент, а также существуют некоторые расхождения лексических минимумов и требований к уровням владения РКИ и реальными коммуникативными потребностями этой группы людей.

Дадим основные характеристики описываемого нами контингента.

1. Это высокообразованные люди, знающие несколько языков, живущие

в России некоторое ограниченное время (до 7 лет).

2. По своему социальному статусу это «элитный» контингент: его представители занимают высокое место в социальном, экономическом и культурном пространстве своей страны, и их взгляд на Россию как страну временной профессиональной деятельности имеет определенное значение для развития связей их родной страны с Россией.

3. В профессиональной сфере деятельности они могут использовать родной язык или английский.

4. Русский язык необходим им в общедно-бытовой сфере в русской культурной и языковой среде.

5. Обычно эти люди приезжают в Россию без высокого уровня владения русским языком.

6. В силу занятости у них не так много свободного времени для изучения русского языка как иностранного.

Проводимые нами социолингвистические исследования выявляют, по крайней мере, два чрезвычайно важных направления работы, касающихся сферы преподавания РКИ данному контингенту учащихся.

1. Опросы показывают, что отсутствие хотя бы минимального знания русского языка создает для инофонов проблемы как в профессиональной деятельности, так и в общедно-бытовой сфере.

2. Незнание и непонимание различий в национальных языковых и культурных картинах мира собственной страны и России создает «дискомфорт» существования в России, что, в свою очередь, может как стимулировать специалиста ближе познакомиться с культурой и жизнью в России, так и развить у него негативное отношение к жизни в России.

Обратимся к целям и мотивам изучения языка, сформулированным самими специалистами рассматриваемой группы. Как справедливо отмечает О.В. Варганова, «определение целей и мотивов

учащихся предваряет определение прочих компонентов курсового обучения, закладывает их методические основы и направление практической реализации» [Варганова 2010: 41].

На наш вопрос: «Для чего Вы изучаете русский язык?» ответило более 500 высококвалифицированных специалистов, изучающих русский язык как иностранный. Некоторые ответы были получены на английском языке и переведены нами на русский язык. Приведем ниже полученные ответы:

- выжить в России;
- уметь объяснить свои потребности в ситуациях общедно-бытового общения за пределами офиса: на улице, в ресторане, в поликлинике, в такси, в гостинице и т. д.;
- учить востребованный язык и получить преимущества в поиске хорошей работы;
- путешествовать по России;
- найти друзей в России, общаться с интересными людьми;
- понимать русских коллег;
- более комфортно жить в России;
- разговаривать в обеденный перерыв с коллегами по-русски, понимать их шутки;
- не чувствовать себя в изоляции от окружающих;
- получить более высокую должность в компании;
- получить повышение/ более высокую зарплату в связи с базовым знанием русского языка и умением общаться без переводчика/секретаря;
- уметь попросить о помощи в трудной ситуации, на улице, в транспорте и т. д.;
- просматривать различные новостные ресурсы, уметь понимать разницу в освещении международных ситуаций в российских/зарубежных СМИ;
- повышать свой профессиональный уровень, читая научную литературу на иностранном (русском) языке;

– уметь объясниться с представителем власти (полицейским, сотрудником ДПС);

– получить сертификат ТРКИ-1, дающий право работать в России;

– удовлетворить интерес к стране/культуре страны изучаемого языка;

– в качестве хобби;

– понимать слова русских песен;

– понимать радио на русском языке;

– считаться образованным и успешным человеком;

– учиться новому;

– так как компания оплачивает обучение, то поучить русский язык интересно;

– для общения с русскими девушками;

– в будущем читать русскую литературу в подлиннике;

– смотреть фильмы на русском языке,

– для возможной дальнейшей учебы в вузах России (магистратура, второе высшее образование).

Исходя из перечисленных выше целей, сформулированных самими слушателями, в процессе обучения русскому языку следует уделять внимание формированию навыков и умений устной речи (не исключая и другие виды речевой деятельности) на тщательно отобранном лексико-грамматическом материале в рамках ограниченного круга сфер общения (обиходно-бытовых). Как справедливо отмечает Н.В. Кулибина, «сегодня основная цель практического курса русского языка как иностранного определяется как обучение русскому речевому общению» [Кули-

бина 2015: 12]. В методике РКИ принято говорить о следующих целях изучения языка: «профессиональных (стать преподавателем языка, переводчиком и т. д.), утилитарных (язык обучения в стране проживания), общеобразовательных (школьники в своих странах)» [Митрофанова, Костомаров 1990: 9].

Следовательно, мы можем говорить об утилитарной цели изучения языка для высококвалифицированных специалистов: изучить язык жизни в стране работы.

Сделаем некоторые выводы об описываемом нами контингенте.

1. Данный контингент значителен, имеет собственные потребности в изучении русского языка и в знакомстве с русской языковой и ментальной картинами мира.

2. Русский язык и русская действительность ограничены для него во времени, объеме и потребностях.

3. Объективный факт этого сосуществования требует проведения специального исследования потребностей рассматриваемого контингента и разработки особой системы его обучения.

4. Для методике преподавания РКИ важен запрос от этого контингента как на скорейшее изучение русского языка в рамках ограниченного круга тем, так и на адаптацию к русской лингвокультурной среде.

Надеемся, что эта статья привлечет внимание профессионального сообщества преподавателей РКИ к проблемам изучения русского языка иностранцами высококвалифицированными специалистами.

Литература

1. 50 крупнейших иностранных компаний в России 2017. Forbes, рейтинги, 2017. URL: http://www.forbes.ru/rating/350867-50-krupneyshih-inostrannyh-kompaniy-v-rossii-2017#all_rating.
2. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования URL: <https://ioe.hse.ru/factobr>.

3. Варганова О.В. Особенности курсового обучения русскому языку за рубежом на современном этапе. Дисс. ... кандидата педагогических наук. М., 2010. 223 с.
4. Кулибина Н.В. Инновационный вектор в методике преподавания русского языка как иностранного – изменение лингводидактической парадигмы // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18 июня 2015 г, г. Уфа) / отв. ред. канд. филол. наук, ст. преп. О.С. Тарасенко. Уфа: Уфимского ЮИ МВД России, 2015. С. 9–19.
5. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 270 с.
6. Россия в цифрах 2017. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 511 с. URL: http://gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf.
7. Список дипломатических и консульских представительств в России. Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_дипломатических_и_консульских_представительств_в_России.
8. Труд и занятость в России 2019. Статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 156 с. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf.
9. Экспаты в российских компаниях. Опрос. HeadHunter. Online Hiring Services, 2009. URL: <https://spb.hh.ru/article/383> (2017. 7 нояб.).

Foreign highly qualified specialists as a particular contingent of students studying Russian as a foreign language

Nadezhda L. Tikhomirova,
Saint Petersburg State University
E-mail: n.tikhomirova@spbu.ru

The article is devoted to the description of foreign highly qualified specialists living and working in Russia and studying Russian language. This type of contingent is relatively new for the methodology of teaching Russian as a foreign language and has not been studied sufficiently yet. The article gives main characteristics of this group of people, their motives and goals in learning Russian, that were identified by questioning. The requests from this contingent of students (which are quite important for the methodology of teaching Russian as a foreign language) are simultaneously the fastest possible way of learning Russian within a limited range of topics, adaptation to the Russian linguocultural environment, and the development of a system focused on highly qualified specialists.

Key words: cultural adaptation, highly qualified specialists, utilitarian goal of studying Russian as a foreign language, elite contingent, Russian linguocultural environment.

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-35-45

Даешь журнал — игра ура! (описание журналов «ГротеКСный Многопотам» и «ТраНвай 13», 1985 — 1998 гг., ответственный редактор М.В. Панов)

Е.М. Калло,

Международный Языковой центр «Language Link»

E-mail: ekallo@languagelink.ru;

А.Г. Лилеева,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: anna.lileeva2017@yandex.ru

Статья посвящена описанию содержания и поэтики журналов «ГротеКСный многопотам» и «ТраНвай 13». «Поэтический сдвиг» — доминирующий художественный прием домашних журналов под редакцией М.В. Панова. В процессе создания журналов прием поэтического сдвига распространяется на внесловесную действительность и объединяет слово, изображение и игру.

Ключевые слова: домашний журнал, доминирующий прием, поэтический сдвиг, визуализация, игра.

В 2020 году исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Викторовича Панова — выдающегося ученого-филолога, одного из наиболее ярких представителей Московской фонологической Фортунатовской школы; автора работ по фонетике, орфографии, орфоэпии, а также — по русской морфологии и синтаксису, истории языка, стилистике и языку русской поэзии. М.В. Панов был не только универсальным ученым-филологом, но и уникальным учителем-лектором. Когда в 70-е годы XX века он читал лекции по фонетике, пустели коридоры филфака МГУ имени Ломоносова — все студенты курса, а не только те, кому лекции были адресованы по учебному плану, были на лекции в девятой аудитории. Когда по субботам М.В. Панов читал лекции о русской поэзии — «Язык русской поэзии XVIII—XX веков», на эти лекции съезжалась

чуть не половина читающей интеллектуальной Москвы. Среди его слушателей были Сергей Юрский, Лев Аннинский, Владимир Новиков, Игорь Волгин и др. А еще Михаил Викторович Панов был поэтом. М.В. Панов — автор двух поэтических сборников: «Тишина. Снег» (1999), «Олени навстречу. Вторая книга стихов» (2001).

Авторы этой публикации имели счастье быть студентами в это время и посещать все лекции М.В. Панова. Но мы не были прямыми учениками М.В. Панова, нас объединила преданность поэзии, ОБЕРЕУТАМ и футуристам!

История нашего знакомства с Михаилом Викторовичем Пановым

Мы, группа студентов филологического факультета, сняли игровой короткометражный фильм «Реплика», фильм-размышление об университете,

о нас, о выпускниках МГУ, о нашей Alma Mater и о том, что делать нам, когда полет над МГУшными горами уже закончился. Сценарий мы писали сами, снимали и играли тоже сами. Режиссером и организатором проекта была Елена Калло. Центральным эпизодом фильма была лекция М.В. Панова о поэзии. Мы снимали аудиторию 1060, которая не могла вместить всех желающих. Слушатели стояли в коридоре, жались друг к другу, кто-то записывал лекцию на катушечный магнитофон. И вот эта лекция и атмосфера самой лекции стала главным эпизодом нашего фильма об МГУ и о том, как мы представляли нашу будущую судьбу. Премьера фильма состоялась в девятой аудитории в мае 1979 года. На премьеру были приглашены студенты и преподаватели филологического факультета, среди зрителей был и М.В. Панов. Фильм ему понравился. Он сказал, что создатели фильма вернули кинематографу киноmontаж, а сам фильм по поэтике близок эпохе «великого немого», так называли кинематограф в 20-е годы. И это для М.В. Панова была высокая оценка! Через своих учеников он пригласил создателей фильма к себе в гости. Приняв нас в свой дом и в свой мир. Так мы познакомились с М.В. Пановым. Знакомство длилось более 20 лет, до смерти Михаила Викторовича Панова в 2001 году.

Дней, ночей не различая,
Я зашел на чашку чая.
И остался навсегда...

(Михаил Новиков)

Вот так мы и прожили вместе с нашим учителем, М.В. Пановым, с 1979 года до 2001 года! Мы стали приходить в гости к М.В. Панову каждый месяц. Пили чай, шутили, разговаривали, читали свои стихи, рассказы, переводы и вместе сочиняли, оформляли и создавали журналы — сначала «ГротекСный Многопотам», а затем «ТраНвай 13» (34 выпуска журнала хранятся в личном архиве

Е.М. Калло и А.Г. Лилеевой). Идея создания журнала принадлежала М.В. Панову.

Традиция создания домашнего журнала являлась продолжением традиции домашних журналов конца XIX — начала XX веков, рукописных книг «Самописьма» русских футуристов, домашних и школьных журналов 20-х — 30-х гг. XX века, детских журналов («ЧИЖ» и «ЁЖ»). О своей влюбленности в журнал «ЁЖ» М.В. Панов рассказывал в беседе с Е.А. Земской, Е. Калло, В.Ф. Тейдер 27 февраля 2001 года: «... журнал «ЁЖ» — он создал меня. Вот посмотрите на меня: я, М.В. Панов, я такой, какой есть, потому что у меня в детстве был журнал «ЁЖ». Если бы его не было, я был бы совершенно другой Панов, малоценный очень, и вы бы меня не записывали» [Жизнь языка... 2007: 31]. Для М.В. Панова журнальная традиция была еще и его семейной игрой. Даже письма родителям с фронта М.В. Панов писал в форме странички из журнала (или рукописной газеты), с рисунками, статьями, заметками, игрой шрифта:

«Михайлина ГАЗЕТА. Передовая РУ. Румынские зарисовки. № 31, 4 год издания, 9 сентября 1944».

В последовательности, принятой в историко-литературной науке, наш рукописный домашний журнал можно было бы описать так:

1. Название: «ГротекСный Многопотам», затем с 1987 года «ТраНвай 13».
2. Характеристика издания: домашний журнал.
3. Жанр — «литературно-художественный». В журнале публиковались стихи, переводы, рассказы, записи бесед и рассказов М.В. Панова (не было магнитофонов, записывали, как на фольклорной практике: два человека одновременно, потом соединяли записанное).
4. Главный редактор: Панов М.В.

Рисунок 1 и 2. «Михайлина газета»

Редакционная коллегия: (до 11 человек) и широкий круг приглашенных авторов.

5. Место издания: Москва, Открытое шоссе, дом 21, корпус 4, квартира 33.

6. Время издания: 1985–1998 годы, последний номер за подписью «Калло – Панов. Миша – Лена» вышел 7 мая 1998 года.

7. Периодичность – в первые годы один раз в месяц, потом реже.

8. Рубрики: список участников встречи и их рисунки-автографы, меню встреч, диалоги, воспоминания и рассказы М.В. Панова, стихи и проза, переводы, шутки, игры, конкурсы, рисунки.

9. Читательская аудитория: сами издатели журнала и будущие исследователи лингвокультурной ситуации 80-х – 90-х годов XX века.

10. Формат – А4, объем – 10–30 страниц, оформление – обложка из ватмана, разрисованная цветными фломастерами, иногда – коллаж. Оформление обложки являлось домашним заданием.

Почему ГроТеКСный многопотам?

Название выбирали голосованием, на отдельных бумажках писали свой вариант, потом читали вслух, обсуждали. Опирались на языковые эксперименты поэтов-футуристов, которых мы с М.В. Пановым очень любили. Каждый понимал, что название должно быть яркое, запоминающееся, выразительное: как журнал назовешь, так он и поплывет. Вариантов названия было много, вот некоторые из них.

Легко запоминается, но трудно вспоминается.

ГроТеКСный многопотам.

Громног

Громопотам

Гномопотам

Переплека переплетная

ПУК (пановский универсальный конгресс)

Придумали слово **гроТеКС**. М.В. Панов тут же объяснил наш выбор, объяснение мы записали в журнал. Запись сделана с сохранением разговорного произношения:

«Пришёл я в редакцию. Смотрю — сидит. Редактор, то ишь, сидит. Я ему грю — мол, *гртеКС* я тебе принёс, слово такое есть — бусурманское. Ну а редактор глянул — пускай, грит, *гртеКС* будет — так сочнее, доходчивей, что ли. И на бифштекс похоже и на кекс... Так и осталось и пропади оно пропадом. Dixit».

Рисунок 3. Обложка журнала

М.В. Панов любил подобные языковые игры и перестановки. Заумное слово в поэзии самое выразительное. Как-то он рассказывал о редакторе, который привык писать вместо «велосипедист» *веселопедист*. Через несколько лет мы изменили название журнала. В стране произошла перестройка, мы много об этом говорили, решили сами перестроиться и измениться, придумали название «ТраНвай 13» — на трамвае 13 мы ездили от метро «Преображенская» в гости к М.В. Панову. На обложке первого журнала рисунок: Трам/Нвай 13 стремительно удаляется от эпохи Застоя и Приписок. Надо успеть вскочить в вагон. ТраНвай ведет М.В. Панов. Лица водителя и пассажиров портретно узнаваемы. Смена названия также была традицией журнальной практики 20-х гг. XX века: «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», «РЕФ».

Рисунок 4. Обложка журнала.
Рисовал С. Лилеев

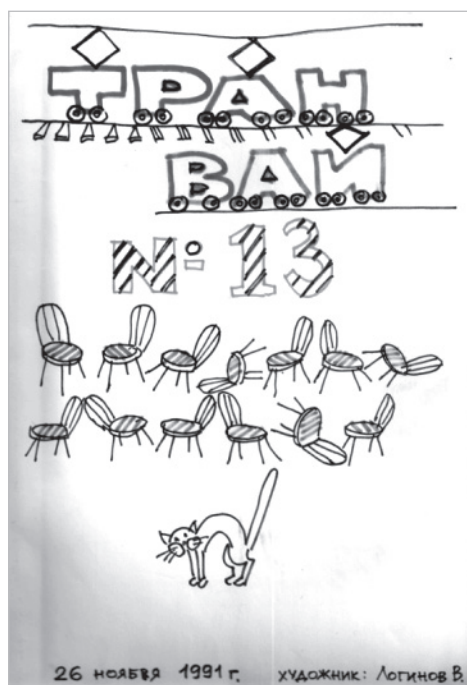

Рисунок 5. Обложка журнала.
Рисовал В. Логинов

Рисунок 6 и 7.
Коллаж. Обложки журналов

Поэтика текста журнала

В основе поэтики журналов «ГротеКсный Многопотам» и «ТраНвай 13», которые мы придумывали с М.В. Пановым, лежит доминирующий художественный прием — «поэтический сдвиг». Этот термин впервые был введен футуристами в 10–20-е годы XX века. Одна из книг Алексея Крученых так и называлась «Сдвигология русского стиха. Трахтат обижальный», Москва, 1922 год. М.В. Панов развил поэтическую теорию поэтов-футуристов и дал подробное описание этого художественного приема на лекциях по истории русской поэзии, которые он читал на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 70-х–80-х годах, и в статье, посвященной творчеству Хлебникова. «Сдвиг — соединение несоединимого, — писал М.В. Панов. — .... Сдвиг возможен в словесном строе произведения, в его ритмике, в рифме, в образной системе. <...> Сдвиг внутренне напряжен. С одной стороны, — он сочетание, целостность. С другой, — в его составе такие части, которые рвутся из этого единства, стремятся врозь» [Панов

2007: 499–450]. Прием «поэтического сдвига» возможно распространить и на внесловесную действительность, вернее «сдвиг» может объединять слово, изображение и игру, быть основой процесса создания журналов.

Специфика поэтики журналов «ГротеКсный Многопотам» и «ТраНвай 13», заключается в сочетании, казалось бы, противоречащих друг другу характеристик.

1. С одной стороны — приватность, групповая замкнутость, чувство избранности / с другой стороны — открытость: состав участников «игры в журнал» принципиально непостоянен, возможно появление новых членов «издательского коллектива». В разные годы участниками наших творческих встреч и авторами журнала были:

А) постоянная редакция:

1. Базилевский Андрей Борисович,
2. Калло Елена Михайловна,
3. Кожанова (Молчановская) Наталья Ивановна,
4. Коллегорский Виктор Викторович,
5. Куняева Наталья Анатольевна,

6. Лилеева (Слезова) Анна Георгиевна,
7. Михалева Ирина Михайловна,
8. Никифорова Елена Александровна,
9. Новиков Михаил,
10. Хабургаев Александр Георгиевич,
11. Якимчик Галина Борисовна.

Каждый раз мы подписывались игровыми именами или рисовали свои шуточные портреты.

Отв. ред.: Е.М...К-Алло...

При сем: Коли-Горский
 Миха-Лева
 Пан-ов
 Базиль-Евский
 Слёзова-Рыдалова
 Сэнди-Times
 Ника Кифорова
 Куня – Ева
 Нов-Иков Мих

Б) Приглашенные гости: Владимир Аннушкин, Александр Галушкин, Татьяна Гутина, Сергей Лилеев, Юрий Лилеев, Василий Логинов, Людмила Незванкина, Андрей Посылкин, Борис Скуратов и др. Состав и численность издательского коллектива менялись. Журнал издавался даже если его авторами было два человека: М.В. Панов и ещё кто-либо. Например, последний журнал «Калло – Панов. Миша – Лена», 7 мая 1998 года.

2. Беспрекословный авторитет главного редактора-вдохновителя, учителя, гостеприимного хозяина вечера / соавторство в создании обложки, выборе тем разговоров и пр.

3. Корпоративная замкнутость, / и открытость в пространство словесности и культуры.

Наши разговоры отличались смыслами, словечками понятными только членам данного лингвокультурного круга. Мы придумывали свой словарь, новые слова, упражняясь в русском словообразовании, выбирали не только название журнала, но формы обращения друг

к другу. Мы решили называться *трамваями*:

- *Трам*
- *Трамша*
- *Трамвесса*
- *Трамваец*
- *Трамвайха*
- *Трюша*
- *Трамка*
- *Трамиха*
- *Трамляля* (Трам навеселе)
- *Трамвайшка* (глупый Трам)
- *Трамвуха* (безбилетник, сидит в

участке, ему дали в ухо),
трамисто – весело, *трамвайно* – неплохо, *бестрамно* (или *бестрамвайно*, *нетрамно*) – грустно, гнусно, гадко, несладко.

Мы пили чай и шутили – чай мог быть *сапоговый* (очень крепкий), *полусапожки* (средней крепости), *сандалики* (совсем слабо заваренный).

В.В. Коллегорский: «Наливаю вам чай по *настоящему* Михаила Викторовича».

М.В. Панов: «Я действительно на нём *настоял*».

М.В. Панов: «Пока писали заумные стихи, чайник с цейлонским чаем обиделся и сказал: «Ах так! Стихи пишете... Обижусь и уйду»».

За чаем же мы обсуждали константы общефилологических тем о языке и поэзии.

Кто-то из участников встречи задавал вопрос, тему, часто это был М.В. Панов, все включались в ее обсуждение. Вот неполный перечень тем разговоров.

О языке:

Что есть факт науки? Факт ли науки – словарь?

О принципах языковых исследований. Исследование языка – это собиранье фактов? Или изучение отношений?

А еще:

о языковой политике, «слиянии языков» и термине «государственный язык»;

об изучении русского языка в национальных школах;

о нравственных ценностях и сущности языка;

о принципе дополнительности, который действует не только в языке, но и в культуре, в истории;

о том, что единичный факт в языке и в истории перестраивает всю систему.

О людях науки: о Д.М. Корше (учитель в школе-чуме у чукчей) и Тыневиле (Тневиле) (создателе письменности чукчей), о Е. Поливанове, о поэте Н. Глазкове, о М. Бахтине, о В. Сидорове, о Ю. Лотмане и многих других.

Об учителях М.В. Панова (Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин).

В кругу наших интересов были вопросы поэзии и поэтического перевода, темы изобразительного искусства и театра. Мы много говорили и писали об истории и задавали М.В. Панову вопросы, он с удовольствием отвечал.

Наш журнал также чутко реагировал на социокультурные и политические изменения в стране. Мы писали стихи и рисовали карикатуры советской перестроечной действительности:

Перед нами открылся мир,
Полный красок и звуков пестрых.
Но откуда-то пахло известкой,
И тянуло гнилью из дыр.
И тотчас же закрылся он,
Обесцвеченный мир угрюмый.
Тут уж думай или не думай —
Был он слишком похож на сон.

Андрей Базилевский (1957–2019)

Для журнала было характерно смешение жанров и стилей, несоблюдение требований формата. Рисунков могло быть больше, меньше. Они были разностильные. Тексты, которые мы приносили к Михаилу Викторовичу, были разными по жанру: стихи, рассказы, переводы. Темы — многообразны. Всё это многообразие тем и стилей объединяла

Рисунок 8. Перестрой-ка!
Рисовал С. Лилеев

Рисунок 9. Миракль на падение
Ельцина. Рисовал С. Лилеев

атмосфера тотальной игры: мы играем в издание журнала. А внутри этой игры мы играем: словами, смыслами, устраиваем

различные творческие игровые конкурсы, пишем заумные стишки. Игровая визуальная составляющая: смешные рисунки, карикатуры, подписи.

Жизнь без игры, и Человек – сумасшедший.

(из американского фильма Стенли Кубрика)

Комментарий М.В. Панова: «Это может быть близко всем транвайщикам!!!»

Мы любим игру,

*Мы любим играть,
шутить.*

*Жизнь – это праздник
игра! УРА!*

Шутка – это условие жизни!

(Сказал транвай Панов, транвай Калло была в восхищении и тут же это записала.)

Поэтика игры связана с традицией культуры Серебряного века – театрализация жизни как форма преодоления распада ткани бытия и преобразование повседневности в искусство (литератур-

Рисунок 10. Груша и самовар.
Обложка журнала

но-артистические кабаре «Бродячая собака», «Привал комедиантов», театры начала века, словесные поэтические игры футуристов, их театрализованные выступления с чтением стихов и сознательно игровые формы поведения).

Языковые игры – часть каждого номера. Вот одна из записей:

«М.В. Панов угощает гостей грушами, каждому раздает со словами:

Аграфена Петровна, Аграфена Семеновна, Аграфена Яковлевна, Аграфена Михайловна, Аграфена Алексеевна, Аграфена Александровна, но можно называть их и по-домашнему – просто Груша!

В.В. Коллегорский: И можно есть поездом, как и всех домашних.

М.В. Панов: Здорово!»

Подражание Хлебникову

Транвай Панов сказал, приветливо и улыбаясь:

Бобэтоу вёвять!

На это приветствие остальные транваи вежливо ответили:

Вёвять Бобэтоу!

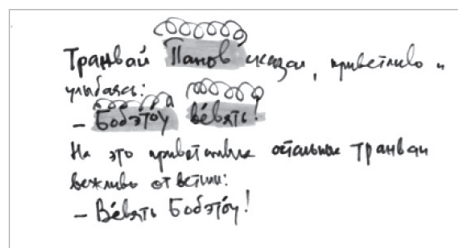

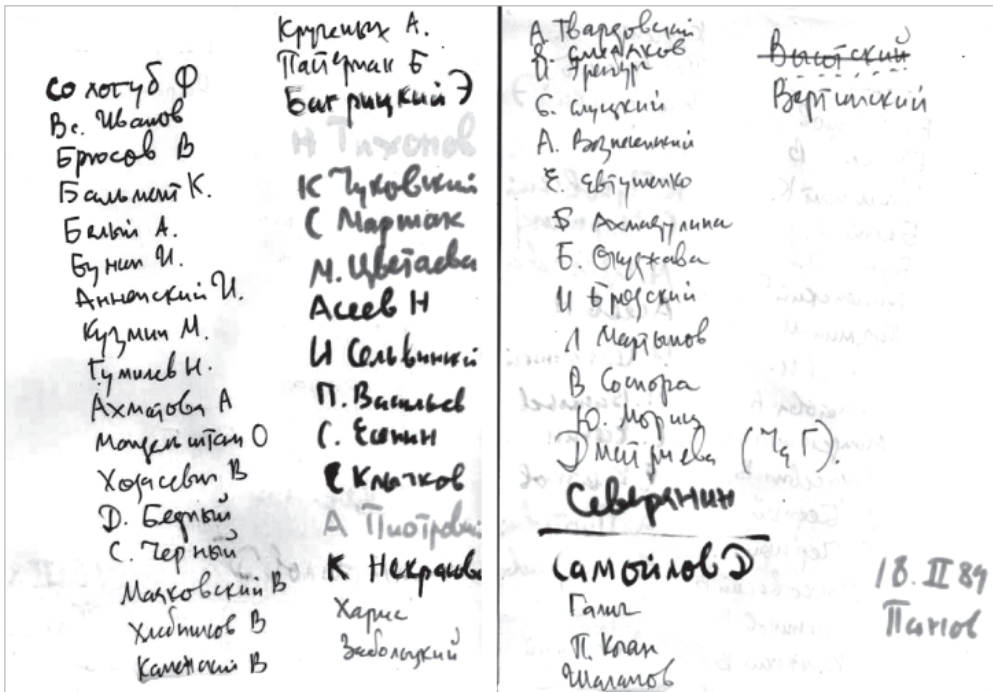
Рисунок 11. Подражание Хлебникову

Мы не только играли словами, но и задавали друг другу разные игровые задания. Например, написать пять глаголов, определяющих сущность жизни. Михаил Викторович написал: *думать, понимать, любить, читать, дружить.*

Назвать 10 лучших современных филологов (№1).

Назвать 10 художников (№1).

Назвать 10 современных писателей (№6).

Рисунки 12 и 13. Список лучших поэтов XX века, составленный М.В. Пановым

Составить онтологию русских поэтов XX века.

Поэты, художники, филологи, чьи имена повторялись у всех играющих, имели право считаться лучшими, главными и талантливыми.

Важной отличительной чертой поэтики текста журналов было особое ощущение времени и пространства, хронотоп, сочетающий пласты сиюминутного и исторического времени: всё происходит здесь и сейчас, в пространстве комнаты, стола; всё понятно только в контексте и атмосфере сиюминутности встречи, за время которой и создается журнал, но вневременная значимость сиюминутного проявляется в сознательном архивировании всех действий (документальная фиксация того, что ели, пили, говорили). Панов предложил наклеивать этикетки и фантики в журнал. Мы удивлялись зачем? Он настаивал,

понимая, что включение в оформление журналов фантиков и этикеток съеденного — свидетельство времени, материализация памяти. Кто-то и когда-то всё это прочтет, увидит, и тогда — и сказанное, и съеденное будет одинаково значимым свидетельством исторического времени.

М.В. Панов: «Я больше всего забочусь об историках, ибо им действительно тяжело. Если бы сейчас сохранились следы Московского Лингвистического кружка. Как бы это было интересно! — «Этот кукиш поставил Мандельштам....».

Приклеили картинку и прижали её утюгом, картинка сморщилась.

М.В. Панов: «Что это он у нас такой морщинистый? Давайте-ка вы его утюгом, утюгом...»

Б.А. Базилевский: «Он, наверное, сморщился еще в утробе матери.»

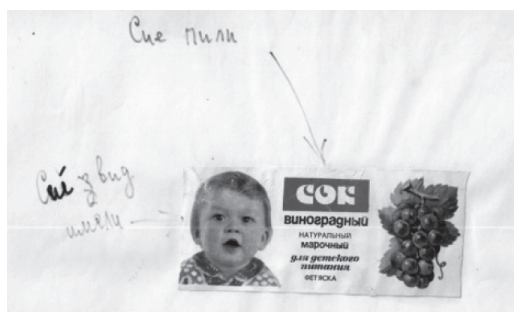

Рисунок 14. Наклейка на бутылке из-под сока

Мы не только наклеивали товарные знаки, но и шутили над повседневностью. Вот одна из игр — создание новых брендов для конфеты «Мишка на Севере». Игра выражала наше ироническое отношение к характерному для времени 90-х гг. продвижению старых товаров под новыми именами:

Мишка в Европе (с пралине),
 Мишка в джунглях (с бананом),
 Мишка и перестройка (с орехами),
 Мишка в Кремле (со звездами, морскими),

Мишка в маске (с лисой),
 Толстой срывает с Мишки маску.

Поэтика «поэтического сдвига» проявлялась на всех уровнях организации текста: словесном, визуальном и те-

матическом. На тематическом уровне журнал отличался сочетанием несочетаемых по значимости тем и смыслов, отсутствием понятия «временное» и «вечное»; «бытовое» («повседневное») / и «высокое» («книжное»). В контексте игрового преобразования повседневности всё одинаково «значимо», важно и интересно. Поэтому в одном номере журнала почти на одной странице мы могли писать о смерти, вере, науке, поэзии и одновременно шутить. Вот запись 1994 года, в которой зафиксирована интонация речи М.В. Панова:

«Если, сестренки, говорить о смерти, то лучше всего в бабье лето. Зима придет, а тебя — нет. Ты ее обманул.

В Последнее время, я думаю, человек не может вот так, вот просто исчезнуть. Я не хочу верить в то, что человек станет кучкой мусора. Поэтому я становлюсь человеком верующим.

Наука смертна, как человек. Искусство — бессмертно. Поэтому я хочу быть ближе к науке. Она человечна.

Здесь почему-то все сидят безжаловные. Прошу всех охалвиться.

Не впадайте в отчаяние, пейте чай!»

Литература

1. Домашние журналы под редакцией М.В. Панова — «ГротеКсный многопотам» и «ТраНвай 13»
2. Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / отв. ред. М.Л. Каленчук, Е.А. Земская. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. 488 с.
3. Панов М.В. Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1999. 128 с.
4. Панов М.В. Олени навстречу. Вторая книга стихов. М.: Carte Blanche, 2001. 192 с.
5. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры. 2007. 846 с.
6. Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.

**Give me a magazine – hooray for the game!
(description of the magazines "Grotexny Mnogopotam"
and "TraNvay 13", 1986–1998, executive editor M.V. Panov)**

Elena Kallo,

International Language Center "Language Link"

E-mail: ekallo@languagelink.ru;

Anna Lileeva,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: anna.lileeva2017@yandex.ru

The article describes the content and the poetics of the magazines "Grotexny Mnogopotam", "TraNvay 13". The "poetic shift" is a dominant technique in the home magazines edited by M.V. Panov. In the creating process of the magazines the poetic shift technique extends to non-verbal reality and combines word, image, and game.

Key words: home journal, dominant technique, poetic shift, visualization, game.

DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-46-53

Траектории словесности в научной судьбе Елены Владимировны Душечкиной

Т.В. Шмелева,

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

E-mail: szmiel@mail.ru

В статье рассматривается научная судьба Елены Владимировны Душечкиной, профессора Санкт-Петербургского университета. С помощью метафоры движения и понятия “траектория” показывается, что, сформировавшись в Тартуском университете как исследователь древнерусской литературы, Е.В. Душечкина, не оставляя этой траектории, расширяла круг исследуемых текстов до поэзии и прозы классической русской литературы, имен собственных в литературе и реальности, детской литературы и пионерских песен, оставив нам замечательные книги и статьи, которые могут служить образцом исследований русской словесности.

Ключевые слова: словесность, поэтический текст, проза, литература, Е.В. Душечкина.

Когда уходит значительный ученый, важно осмыслить не только его, как говорят в таких случаях, творческое наследие, но и научную судьбу. Попытка понять, как складывалась научная судьба Елены Владимировны Душечкиной (1941–2020), составляет содержание настоящей работы. Такому пониманию помогает метафора движения и понятие траектории – линии движения в пространстве русской словесности, изучению которой Елена Владимировна посвятила жизнь.

Авторитетный исследователь словесности, она участвовала в ряде серьезных проектов – в качестве комментатора при издании работ В.В. Виноградова, тома «О языке художественной прозы» (М., 1980) и Полного собрания сочинений Н.С. Лескова (М., 2012); и в качестве автора статей ряда энциклопедических изданий – «Слово о Полку Игореве» (СПб, 1995); «Онегинская энциклопедия» (М., 1998); «Три века Санкт-Петербурга» (СПб, 2006); «Литературный Санкт-Петербург XX века:

энциклопедический словарь» (СПб, 2015); «Русские литературоведы XX века: Биобиблиографический словарь» (СПб, 2017).

Педагогическая и научная деятельность Елены Владимировны связана с Тартуским, Санкт-Петербургским университетами и Таллиннским пединститутом. Кроме этого, она читала курсы лекций в университетах Таллинна, Даугавпилса; в американских университетах в Олбани и Канзасе. Выступала с докладами на конференциях и публиковала материалы в полутора десятках российских городов и за рубежом – в Финляндии, Польше, Болгарии и Канаде. Входила в диссертационные советы Санкт-Петербургского и Новгородского университетов. Обширным оказывается и пространство русской словесности, отмеченное ее исследовательским вниманием. В этом пространстве и прослеживаются траектории научной судьбы Елены Владимировны Душечкиной, а их анализ основан на данных, которые любезно предоставила

мне ее дочь, Екатерина Александровна Белоусова.

Студентка Тартуского университета Елена Душечкина начинает работать над поэтическими текстами: под руководством Зары Григорьевны Минц она пишет курсовую работу «Природа в творчестве раннего Маяковского». Но потом ее движение в пространстве русской словесности приводит к древнерусской литературе, и под руководством Ю.М. Лотмана защищается диплом «Специфика построения текста «Жития» протопопа Аввакума в свете русской агиографической традиции». И тут естественно возникает фигура Дмитрия Сергеевича Лихачева – авторитетнейшего исследователя древнерусской литературы, именно он становится научным руководителем Елены Владимировны в аспирантуре. На защиту ее кандидатской диссертации «Художественная функция чужой речи в Киевском летописании» он единственный раз приезжает в Тарту. Это было в 1973 году. В аспирантуре Елена Владимировна интересуется не только летописанием: она публикует статьи о работе Нестора над житием Феодосия [Душечкина 1971], о житии Михаила Клопского [Душечкина 1971a], о прении Яна Вышатича с волхвами [Душечкина 1972] и, что характерно для нее, как покажет время, не оставляет и протопопа Аввакума [Душечкина 1972a].

Итак, в Тартуском университете сформировался специалист по древнерусской литературе. Работая на кафедре русской литературы, Елена Владимировна расширяет круг исследуемых текстов до XVII века [Душечкина 1975; 1975a]. Наряду с этим она вместе с мужем А.Ф. Белоусовым пишет рецензию на монографию о творчестве Маяковского [Белоусов, Душечкина 1974], начиная ряд их совместных работ и публикаций в изданиях, которые редактирует Александр Федорович.

С переездом семьи в Таллинн, где Елена Владимировна вместе с мужем начинает работать в пединституте, в ее работах открывается новый круг тем – восприятия литературы детьми, детского чтения, и, конечно, преподавания русской литературы в школе [Душечкина 1979; 2003a; 2009a; 2018]. Характерно, что местом ее публикаций становятся журнал «Русский язык в эстонской школе», сборники «Преподавание литературного чтения в эстонской школе: методические разработки» (отв. ред. А.Ф. Белоусов). В этом дидактическом поле просматриваются уже знакомые траектории – анализ поэтического текста [Душечкина 1981; 1981a; 1982; 1983a; 1984; 1986], древнерусская литература [Душечкина 1983], в том числе как возможность объяснить классическую литературу: повесть «Тарас Бульба» интерпретируется на фоне древнерусской воинской повести [Душечкина 1983]. Как можно увидеть, траектории изучения литературы и обучения ей сходятся и пересекаются – так исследователь продвигается в пространстве русской словесности.

В 1985 году Елена Владимировна публикует тезисы, в названии которых фигурирует термин «святочный рассказ» [Душечкина 1985], и это оказывается исходной точкой новой траектории ее исследований, которая приведет к докторской диссертации «Русский святочный рассказ: Становление жанра» [Душечкина 1993], защищенной, после того как Елена Владимировна с семьей переедет в Петербург. Обратившись к святочному рассказу – этому уже, казалось бы, ушедшему жанру, Елена Владимировна в результате многолетних и систематических поисков в столичных и провинциальных газетах и журналах обнаружила обширный массив текстов – какой-то затонувший материк, что позволило ей говорить о святочной словесности.

Эти тексты – и своей массовостью, и поэтикой – производили такое впечатление, что возникала потребность не только анализировать их для научного сообщества, но и предъявить, что называется, широкому читателю. Эта потребность реализовалась в издании книги, задуманной как хрестоматия русского святочного рассказа [Чудо 1993]. Стоит отметить, что эта книга стала результатом совместных усилий Елены Владимировны и известного американского слависта Хенрика Барана, дружба с которым продлилась долгие годы. В дальнейшем они публиковали письма русских лингвистов [Баран, Душечкина 1998; 1999; 2000; 2002]. Не случайно один из первых некрологов Елене Владимировне написан именно им, как не случайно и то, что он опубликован в журнале Таллиннского университета [Baran 2020].

Открытие «материка» святочной словесности – огромная заслуга Елены Владимировны перед русской филологией. Не менее важно то, что она показала: это факт не только литературы, но и русской культуры, ее праздничной стороны. «От литературы – к культуре» – это направление исследовательской мысли и филологического труда проявится еще не раз в ее научной судьбе.

Именно на этой траектории вырос сюжет о елке и других «персонажах» рождественских празднований: от серии статей к замечательной книге «Русская елка. История, мифология, литература» [Душечкина 2002]. Книга стала настоящим бестселлером. После нее, как рассказывала Елена Владимировна, перед каждым Новым годом ее приглашали в разные издания с изложением этого сюжета [Душечкина 2003; 2005; 2006; 2007; 2009; 2011; 2012]. Бесконечные обращения к автору при жизни и переиздания ее книги (2012, 2014), которые, я уверена, продолжатся, говорят о том, что этот сюжет прочно вошел

в современный культурный оборот и связан с именем Елены Владимировны Душечкиной. Ее статьи и книга читаются как детектив, и в то же время читатель понимает, какая невероятная работа с текстами, архивами предшествует такому увлекательному изложению истории елки, ее появления в русском праздничном быту, распространения по сословиям, обрастания литературой, песнями, затем исчезновения и возрождения в другом качестве и в окружении другой словесности. Способность Елены Владимировны магнетически собирать, казалось бы, не связанные друг с другом факты в потрясающие истории, делает ее тексты популярными в научном сообществе и среди самой широкой публики.

Новая точка движения Елены Владимировны в пространстве русской словесности обозначается обращением к имени Светлана, которое появляется в святочной балладе Василия Жуковского [Душечкина 1996]. Воспринятое как искусственное, литературное, оно в XX веке вдруг приобретает популярность, особенно после того, как им назвали дочь Сталина [Душечкина 2003б]. Это была новая загадка, из которой «вытекала» новая траектория изучения Душечкиной словесности. Публикуя результаты своего расследования в научных [Душечкина 2004] и научно-популярных [Душечкина 2005а] журналах, Елена Владимировна собирала совершенно новый – антропонимический – материал, из которого выстраивалась удивительная история популярности этого литературного имени и ее неизбежного конца. Всё это подробно представлено в книге «Светлана. Культурная история имени» [Душечкина 2007а], которая проанализирована в целом ряде рецензий – лингвистических и литературных, что весьма симптоматично: это исследование воспринимается и как литературное произведение. История одного женского имени, как

показано в книге, вбирает важные моменты романтизма, советских представлений о красивом и их зависимость от статуса носителя имени, изменение ономастических вкусов общества. Это можно было бы назвать антропонимикой в культурной перспективе, при этом свидетельства культурного бытования имени отыскиваются в произведениях литературы, переписке, песнях, поздравительных открытках — круг исследованных текстов поражает и вызывает восхищение автором.

Из точки «по имени Светлана» начинается антропонимическая траектория исследований Елены Владимировны, и если в этой исходной точке одно имя, то далее Елена Владимировна исследует антропонимические практики и массивы антропонимов разных эпох — в статье «Антропонимический взрыв эпохи модернизма (от традиции к утопии)» [Душечкина 2014] и в докладе «Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме)» [Душечкина 2015].

Нельзя не отметить и лингвистическую траекторию изучения Еленой Владимировной русской словесности. Она опубликовала опыты толкования и описания истории формулы «От Москвы до самых до окраин» [Душечкина 2003в], слов *чу!* [Душечкина 2006а] и *лупоглазый* [Душечкина 2016], наречий *еще* и *уже* [Душечкина 2019]. Этот «словарик» Елены Владимировны примечателен тем, что подтверждает, что деление исследователей словесности на литературоведов и лингвистов условно, фокус научного внимания может быть наведен как на тенденцию в истории словесности, так и на одно слово, в котором можно увидеть особый сюжет. Правда,

для этого надо обладать особым зрением, которое выработала за годы изучения словесности Елена Владимировна.

Итак, не имея возможности проанализировать (и даже назвать) все работы Елены Владимировны, я попыталась показать здесь основные траектории ее движения в пространстве русской словесности. Показателен в этом отношении сюжет о Фроле Скобееве, который воплощается сначала в учебных материалах, потом в статье, учебном пособии [Душечкина 1986а; 2008; 2011а] и, наконец, в книге «Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре» [Душечкина 2018а], которая получает самую высокую оценку в рецензии, опубликованной в журнале «Русская литература» [Савельева 2019]. Этот исследовательский сюжет показывает, что древнерусская траектория объединяет студенческие и профессорские годы Елены Владимировны, подчеркивая единство и цельность ее научной судьбы. Самое интересное, что этот сюжет демонстрирует и связь траекторий: в повести просматривается первый святочный рассказ.

В работах Елены Владимировны Душечкиной русская словесность предстает во всей своей огромности, сложности тысячелетнего существования и непредсказуемости восприятия и в то же время в уникальности траекторий, которые вели исследователя от одного пласта словесности к другому. А ее научная судьба не только поражает плодотворностью, но и обладает такой заразительностью, что не возникает сомнений в том, что сложившиеся в ней траектории не оборвутся, будут продолжены другими исследователями русской словесности.

Литература

1. Баран Х., Душечкина Е.В. Страница из истории славяноведения: Письмо С.И. Карцевского И.И. Мещанинову // Литературный текст: Проблемы

- и методы исследования. Вып. 4 / Отв. ред. И.В. Фоменко. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. С. 150–156.
2. Баран Х., Душечкина Е.В. Переписка С.И. Карцевского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. С. 175–191.
  3. Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50–78.
  4. Баран Х., Душечкина Е.В. С.И. Карцевский в газете «Последние новости»: из несобранного наследия ученого // Язык и речевая деятельность. 2002. Том 5. СПб.: Филологический факультет СПб. гос. ун-т, 2003. С. 141–157.
  5. Белоусов А.Ф., Душечкина Е.В. Monograafia Majakovski elust ja loomingust [Монография о жизни и творчестве Маяковского] // Keel ja kirjandus. 1974. № 8. С. 508–509 (на эст. яз.).
  6. Душечкина Е.В. Нестор в работе над житием Феодосия: Опыт прочтения текста // Труды по русской и славянской филологии. XVIII: Литературоведение. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 266 / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. С. 4–15.
  7. Душечкина Е.В. Организация речевого материала в «Житии» Михаила Клопского // Материалы XXVI научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика / Отв. ред. П.А. Руднев, П.С. Сигалов. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971а. С. 14–17.
  8. Душечкина Е.В. Прение Яна Вышатича с волхвами // Quinquagenario: Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана / Отв. ред.: А. Мальц. Ред.: Е.В. Душечкина, А.Ф. Белоусов. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1972. С. 86–99.
  9. Душечкина Е.В. К вопросу о специфике построения текста жития протопопа Аввакума // Материалы XXVII научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика / Отв. ред. Е.И. Гурьева, Х.Я. Пак, П.С. Рейфман. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1972а. С. 21–23.
  10. Душечкина Е.В. Статейный список 1652 г. как литературный памятник // Труды по русской и славянской филологии. XXVI: Литературоведение. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 369 / Отв. ред. З.Г. Минц. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1975. С. 3–18.
  11. Душечкина Е.В. Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. Сб. статей / Ред. В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 184–188.
  12. Душечкина Е.В. Детское творчество как результат восприятия художественного текста // Восприятие художественного текста. Тезисы конференции-семинара / Отв. ред. Е.В. Душечкина. Таллин: Таллин. гос. пед. ин-т, 1979. С. 11–15.
  13. Душечкина Е.В. Опыт анализа стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: методические разработки / Отв. ред. А.Ф. Белоусов. Таллин: Таллин. гос. пед. ин-т, 1981. С. 36–51.
  14. Душечкина Е.В. О некоторых особенностях восприятия жизни и творчества А.С. Пушкина в школе // Преподавание литературного чтения в эстонской

- школе: методические разработки / Отв. ред. А.Ф. Белоусов. Таллин: Таллин. гос. пед. ин-т, 1981а. С. 142–155.
15. Душечкина Е.В. Опыт анализа стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» // Русский язык в эстонской школе. 1982. № 2 (10). С. 9–12.
  16. Душечкина Е.В. «Тарас Бульба» в свете традиции древнерусской воинской повести // Гоголь и современность: Творческое наследие писателя в движении эпох / Отв. ред. Г.В. Самойленко. Киев: Вища школа, 1983а. С. 30–34.
  17. Душечкина Е.В. Стихотворение Н.А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: методические разработки / Отв. ред. А.Ф. Белоусов. Таллин: Таллинский пед ин-т, 1983б. С. 28–49.
  18. Душечкина Е.В. «Строгая утеха созерцанья...» (Зрение и пространство в поэзии Ф.И. Тютчева) // Пространство и время в литературе и искусстве: Методические материалы по теории литературы / Отв. ред.: Ф.П. Федоров. Даугавпилс: Даугавпилс. пед. ин-т, 1984. С. 9–21.
  19. Душечкина Е.В. К вопросу об истоках и традиции русского святочного рассказа // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв.: Тезисы научной конференции / Отв. ред. В.Н. Невердинова. Таллин: Таллин. пед. ин-т, 1985. С. 41–44.
  20. Душечкина Е.В. Основные направления русской поэзии середины XIX века // Русский язык в эстонской школе. 1986. № 5 (37). С. 53–56.
  21. Душечкина Е.В. Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве): Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин: Таллинский пед. ин-т, 1986а. 93 с.
  22. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 1993. 365 с.
  23. Душечкина Е.В. «При мысли о Светлане...»: Баллада В.А. Жуковского в общественном и литературном обиходе // Имя – сюжет – миф: Межвузовский сборник. Под ред. Н.М. Герасимовой. СПб.: СПб. гос. ун-т, 1996. С. 45–64.
  24. Душечкина Е.В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002. 414 с.
  25. Душечкина Е.В. Дед Мороз и Снегурочка // Отечественные записки. 2003. № 1 (10). С. 236–241.
  26. Душечкина Е.В. Сборники детских поздравительных стихов XIX века // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е.В. Кулешов, И.А. Антипова. М.: ОГИ, 2003а. С. 17–27.
  27. Душечкина Е.В. Имя дочери «вождя всех народов» // Славянские чтения. Вып. 3 / Ред. И.З. Белобровцева, А.Ф. Белоусов, Т. Буйницкий и др. Даугавпилс – Резекне: Изд-во Латгальского культурного центра, 2003б. С. 272–279.
  28. Душечкина Е.В. «От Москвы до самых до окраин...» (формула протяжения России) // Риторическая традиция и русская литература. Межвузовский сборник / Под ред. П.Е. Бухаркина. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2003в. С. 108–125.
  29. Душечкина Е.В. Имя дочери «вождя всех народов» // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 100–107.

30. Душечкина Е.В. Легенда о человеке, подарившем елку советским детям // Полит.ру. 2005. 30 декабря. URL: <https://polit.ru/article/2005/12/30/elka>
31. Душечкина Е.В. Имя дочери «вождя всех народов» // Знание – сила. 2005а. № 8 (938). С. 52–56.
32. Душечкина Е.В. Снегурочка – чисто российский персонаж // Этносфера: Ежемесячный информационно-аналитический и просветительский журнал. 2006. № 1. С. 42–43.
33. Душечкина Е.В. Это странное «чу!..» (О междометии чу в русской поэзии) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова / Ред. А.К. Байбурин, В.В. Головин, Е.В. Душечкина, Г.А. Левинтон. СПб.: СПб. гос. ун-т культ. и иск., 2006а. С. 333–342.
34. Душечкина Е.В. Три века русской елки // Наука и жизнь. 2007. № 12. С. 72–79.
35. Душечкина Е.В. Светлана. Культурная история имени. СПб.: Европейск. ун-т в СПб., 2007а. 227 с.
36. Душечкина Е.В. О «Фроле Скобееве» и о Фроле Скобееве // А.М. Панченко и русская культура: исследования и материалы / Отв. ред. С.А. Кибальник, А.А. Панченко. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 67–76.
37. Душечкина Е.В. Только что из лесу или с метели // Телеграф «Вокруг света»: ежедневное познавательное интернет-издание. 2009. 30 декабря. URL: www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1077/
38. Душечкина Е.В. «Если рядом друзья настоящие...» // К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. СПб., 2009а. URL: www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/dushechkina.html
39. Душечкина Е.В. Кто мама и папа Снегурочки? // Аргументы и факты: АиФ на даче. 2011. 23 декабря. № 24. URL: <https://aif.ru/dontknows/1236016>
40. Душечкина Е.В. Повесть о Фроле Скобееве: Литературный и историко-культурный аспекты изучения: Учебное пособие. СПб., СПб. гос. ун-т, 2011а. 116 с.
41. Душечкина Е.В. «Елочка, зажгись!» // Дилетант. 2012. № 12. С. 41–45.
42. Душечкина Е.В. Антропонимический взрыв эпохи модернизма (от традиции к утопии) // Utopia. Fourth Bi-annual Conference of the European Network for Avant-Garde and Modernism Studies. [Helsinki], 2014. С. 119–120.
43. Душечкина Е.В. Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2015. С. 105–107.
44. Душечкина Е.В. История и значение слова «лупоглазый» в литературе и речевом обиходе // Материалы XLV международной филологической конференции. 14–21 марта 2016 г. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2016. С. 418.
45. Душечкина Е.В. Детское творчество как результат восприятия художественного текста // Детские чтения. 2018. № 1 (013). Екатеринбург – Санкт-Петербург – Bloomington: Кабинетный ученый. С. 153–163.
46. Душечкина Е.В. Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре. СПб.: Юолукка, 2018а. 127 с.
47. Душечкина Е.В. О корреляции двух временных наречий в русской поэзии // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: Сб. статей

- XXV международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. С. 203–208.
48. Савельева Н.В. Фрол Скобеев: история и современность // Русская литература. 2019, № 4. С. 226–229. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-226-229
49. Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы / Сост., вступ. статья, примеч. Е. Душечкиной, Х. Барана. СПб.: Худож. лит., 1993. 704 с.
50. Baran H. Elena Vladimirovna Dushechkina (May 1, 1941 – September 21, 2020) // Slavica Revalensia. Vol. 7. 2020. URL: file:///C:/Users/Adm/Downloads/979-2906-1-SM.pdf
-

Literary trajectories: The scientific fate of Elena Vladimirovna Dushechkina

Tatiana Viktorovna Shmeleva,
Yaroslav the Wise Novgorod State University
E-mail: szmiel@mail.ru

The article deals with the scientific fate of Elena Vladimirovna Dushechkina, the professor of St. Petersburg University. Using the metaphor of movement and the concept of trajectory the author shows that, being formed at the University of Tartu as a researcher of ancient literature, E.V. Dushechkina, follows this trajectory and expands the range of studied texts to poetry and prose of classical Russian literature, of proper names in literature and the reality of children's literature and pioneer songs, and leaves us with wonderful books and articles which can serve as a model for studies of Russian literature.

Key words: literature, poetic text, prose, E V Dushechkina.

Информационное письмо

**Кафедра русского языка как иностранного
в профессиональном обучении
Института филологии федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
организует Международную научно-практическую конференцию
«Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского
языка как иностранного»**

Конференция состоится 20 мая 2021 года

Председатель Оргкомитета — зав. кафедрой русского языка как иностранного в профессиональном обучении, д. пед. н., проф. **С.А. Вишняков**.

Проблематика

1. Лингвострановедение и культуроведение в теории и практике преподавания русского языка как иностранного.
2. Отечественные и зарубежные концепции в теории иноязычного образования.
3. Современные подходы в теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

Длительность выступления — 15 минут (доклад на пленарном заседании), 10 минут (секционное выступление).

Материалы выступлений принимаются до 10 мая 2021 года в виде приложенного файла по e-mail: rki17@yandex.ru. **По результатам конференции планируется публикация материалов в электронном сборнике.** Объем материала — 3–7 страниц формата А4. Публикация бесплатная. **Сборникам трудов присваивается индекс ISBN.** **Информация об опубликованных статьях будет размещена в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).**

Конференция будет проходить в онлайн-формате.

Заявки на участие в конференции и материалы выступлений принимаются до **10 мая 2021 года** в виде двух приложенных файлов (файла со статьей — фамилия автора-статья (*образец: Иванов-статья*); формат названия файла с заявкой — фамилия автора-заявка (*образец: Иванов-заявка*)) по e-mail: rki17@yandex.ru.

В заявке (*образец см. ниже*) указываются: **ФИО, учёная степень, звание, должность и место работы автора (авторов), название доклада или сообщения, контактные телефоны и адреса.**

Требования к оформлению материалов

1. К публикации принимаются статьи объемом не менее 3 страниц текста.
2. Для набора текста, формул и таблиц следует использовать редактор Microsoft Word для Windows. Требования к документу: размер шрифта — 14; междустрочный

интервал – одинарный, поля: верхнее – 2,7 см, нижнее – 2,4 см, левое – 2,4 см, правое – 2,4 см; ориентация листа – книжная. Для выделения текста используется курсив или полужирный шрифт. Цвет текста – черный. При оформлении абзацных отступов использовать только параметры форматирования «Абзац», не использовать клавиши «Пробел» и «Табуляция». Знак переноса не используется.

3. **Оформление заголовка на русском языке: Ф.И.О. автора статьи полностью** (полужирный шрифт, выравнивание по правому краю); на следующей строке (выравнивание по правому краю) – учёное звание, учёная степень, должность, место работы; на следующей строке (выравнивание по правому краю) – *E-mail для контактов*; на следующей строке – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (заглавные буквы, шрифт полужирный, выравнивание по центру строки). **Если авторов статьи несколько, то информация повторяется для каждого автора.**

4. **Аннотация на русском языке** не более 600 знаков (считая с пробелами).

5. **Ключевые слова** на русском языке отделяются друг от друга точкой с запятой.

6. **Оформление заголовка на английском языке: Ф.И.О. автора статьи полностью** (полужирный шрифт, выравнивание по правому краю); на следующей строке (выравнивание по правому краю) – учёное звание, учёная степень, должность, место работы; на следующей строке (выравнивание по правому краю) – *E-mail для контактов*; на следующей строке – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (заглавные буквы, шрифт полужирный, выравнивание по центру строки). **Если авторов статьи несколько, то информация повторяется для каждого автора.**

7. **Аннотация на английском языке** не более 600 знаков (считая с пробелами).

8. **Ключевые слова** на английском языке отделяются друг от друга точкой с запятой.

9. Через 1 строку – текст статьи.

10. Через 1 строку – надпись «**Список литературы**». После неё приводится список литературы в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 (пример оформления). Ссылки в тексте на соответствующий источник из списка литературы оформляются в квадратных скобках, например: [1, с. 277]. Использование автоматических постраничных ссылок не допускается.

Оформление таблиц, рисунков, формул, примечаний. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты), вставленные в текст, сопровождаются подписями, например: рис. 1. Графические материалы, размещенные в тексте, должны быть хорошего качества, понятны и читаемы, рекомендовано использовать иллюстрации с разрешением не менее 300 DPI.

Все таблицы в тексте нумеруются и сопровождаются заголовками, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 1).

Примечания оформляются в виде автоматических постраничных сносок.

Не использовать «дефис» в тех случаях, когда должен быть знак «тире», и наоборот.

Оргкомитет проверяет содержание материалов на «Антиплагиат» и оставляет за собой право отклонить статьи. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован и отформатирован в соответствии с указанными выше требованиями. При отсутствии информации на английском языке статья не принимается.

Адрес Оргкомитета: 117571, г. Москва, ул. Усачева, д. 64, ауд. 321, кафедра русского языка как иностранного в профессиональном обучении, доц. Мартыненко Юлия Борисовна. E-mail: rki17@yandex.ru

Добро пожаловать!

Глубокоуважаемые коллеги!

«Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература» (учредитель — Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание») приглашает вас воспользоваться новой научной площадкой для обсуждения актуальных аспектов фундаментальных и прикладных исследований, а также для презентации полученных результатов в различных областях лингвистики, литературоведения, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и методики преподавания русского языка и литературы в российской и иноязычной аудиториях.

В настоящее время идет прием статей в номера, которые будут выходить в 2021 г. В структуре журнала предусмотрены следующие рубрики:

- «Методологические проблемы русистики»,
- «Лингвистика: слово, высказывание, текст, дискурс»,
- «Русский язык в мире»,
- «Русский язык в зеркале других языков»,
- «Современная речевая культура»,
- «Русская литература в контексте современной культуры»,
- «История русского языка и книжности»
- «Теория и методика преподавания русского языка как иностранного»,
- «Лингводидактическое тестирование»,
- «Русская словесность в школе»,
- «Новое поколение стандартов и учебных программ»,
- «Школа молодого преподавателя»,
- «Учебно-методические материалы»,
- «Критика и библиография»,
- «Научная жизнь» (конференции, симпозиумы, конгрессы и др.),
- «Русская словесность в лицах».

Периодичность выхода журнала — один номер в квартал. Все присланные материалы проходят анонимное рецензирование. Каждой статье присваивается DOI. Журнал зарегистрирован в электронной библиотеке РИНЦ и размещается в ней по-статьейно (https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=74595).

Публикация бесплатная.

Приглашаем вас, ваших коллег и учеников (магистрантов и аспирантов) поделиться результатами своих научных и научно-методических исследований на страницах нашего журнала! Политика журнала предусматривает также публикацию рецензий на книги, отчетов о конференциях, анонсов предстоящих мероприятий и др.

Требования к оформлению публикаций размещены на сайте издания: <http://professor-rusist.ru>. Там же можно ознакомиться с материалами опубликованных номеров журнала.

Ждем ваши статьи и материалы по адресу: professor_rll@mail.ru.

*С уважением,
Главный редактор журнала
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор
Любовь Павловна Клобукова*